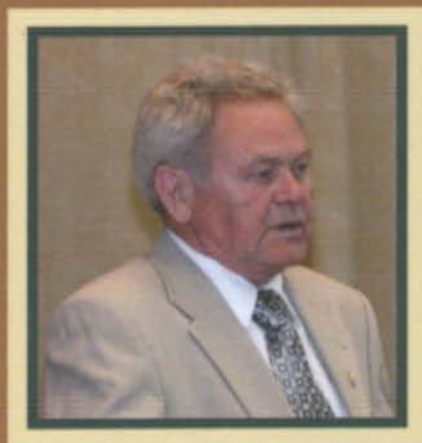

Союз ветеранов следствия

В.И.Кравцев

Книга памяти

Под редакцией генерал - лейтенанта юстиции

Ю. И. Леканова

г. Москва

Воспоминания о В.И.Кравцеве

г. Москва 2015 год

Составители:

Ю. И. Леканов, Л. М. Кравцева

Книга - дань памяти и уважения юристу практику, заместителю генерального прокурора Союза ССР и генерального прокурора Российской Федерации Владимиру Ивановичу Кравцеву.

© СОЮЗ ВЕТЕРАНОВ СЛЕДСТВИЯ, 2015

Принадлежит исключительное право на использование и распространение издания (Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. г. № 44-ФЗ).

Предисловие

Когда в 2008 году принималось решение о создании в Следственном комитете «Союза ветеранов следствия» и в качестве руководителя этой общественной организации рассматривалась кандидатура Кравцева Владимира Ивановича, у меня на душе стало тепло - штурвал этого ветеранского объединения попал в надежные руки.

О Владимире Ивановиче я был наслышан немало: и о незаурядности его личности, и о деловых и чисто человеческих качествах. Но когда стал взаимодействовать с ним по ветеранской работе, еще раз убедился в том, что ветераны не ошиблись в выборе своего лидера.

Порой после какого-либо общественного мероприятия нам приходилось задерживаться с Владимиром Ивановичем до позднего времени, и беседуя я узнавал от него много познавательного об истории правоохранительной жизни последних десятилетий.

Поражали его широкий кругозор, организаторские качества, невероятная скромность, чувство товарищества, прямота суждений. От него приходилось слышать и нелестные выражения, но в них всегда сквозила обеспокоенность о правильности движения нашего следственного корабля. Его мнение всегда было весомо для людей, с которыми он общался.

Его принципиальность, созидательный порыв в работе не всегда оценивались должным образом. И на его жизненном пути было немало несправедливости. Но он преодолевал обиду, не замыкался в себе и продолжал служить людям.

На капитанском мостике ветеранского корабля у него открылось второе дыхание: он сплотил вокруг себя инициативных «следственников», активно помогал ветеранам и много души вложил в воспитательную работу с молодыми сотрудниками Следственного комитета.

Владимир Иванович был первым, кто стал хлопотать о следственном празднике. Именно по его инициативе в 2013 году Президентом России издан Указ об установлении 25 июля ежегодного праздника - Дня сотрудника органов следствия Российской Федерации.

Очень рано ушел из жизни первый Председатель Совета «Союза ветеранов следствия» Владимир Иванович Кравцев. Но мысли и заметки о нем его коллег и друзей, собранные в этом сборнике, будут доброй памятью об этом светлом человеке.

**Председатель Следственного комитета Российской Федерации
генерал-полковник юстиции,
доктор юридических наук профессор
Бастрыкин А.И.**

В. И. Кравцев о своей следственной и прокурорской работе в молодости

«Я по месту рождения и многим другим параметрам всегда считал (и гордился этим!) и до настоящего времени считаю себя южноуральцем-челябинцем».

Родился 16 июля 1945 года в г. Челябинске, на ЧГРЭСе, и многие годы прожил в этом районе, окончил в 1963 году одиннадцатилетнюю (тогда) общеобразовательную школу № 50, находящуюся и ныне на ул. Российской, которая до 1956- 1957 годов именовалась училищем И.В. Сталина.

Юристов в моей родословной никогда не было, но моё «попадание» в прокурорскую среду вряд ли можно назвать случайным.

Всё началось с последних классов школы, когда в 1961 - 1963 годах был введён в программу обучения специальный предмет «Обществоведение». Я всегда больше любил гуманитарные науки, особенно историю, поэтому настраивался на поступление в наш Челябинский пединститут на соответствующий факультет.

Но... В дополнение к новому предмету («Обществоведение») однажды к нам на урок пришёл работник прокуратуры Центрального района. Кто именно это был - уже точно не помню, но кажется, Николай Иванович Ульянов. Молодой, стройный, в красивой форменной одежде, он доступно для нашего понимания рассказал о той работе, которой посвятил свою жизнь, и просто заворочил меня. Я решил идти в юридический институт! Однако, ближайший из них был тогда в Свердловске.

Родители (оба активные участники Великой Отечественной войны и ныне проживающие в г. Челябинске) не сразу смирились с желанием старшего «птенца» уехать на учёбу в другой город, но никаких препятствий чинить не стали, и после сдачи школьных выпускных экзаменов я отправил в Свердловск необходимые документы, стал ждать вызова из приёмной комиссии Свердловского юридического института.

Получив вызов, прибыл к 10 августа 1963 года в Свердловск и только здесь от мандатной комиссии узнал, что имею право сдавать вступительные экзамены лишь на вечерний или заочный факультет, так как не имеют двухлетнего трудового стажа.

Жить, работать и учиться по вечерам в чужом городе за 220 км от родных для 18-летнего паренька - перспектива не лучшая, поэтому решил идти на «заочный». Набрав 19 баллов из 20, стал студентом 1-го курса заочного факультета Свердловского юридического института и достаточно успешно окончил его в декабре 1968 года, получив квалификацию полноправного юриста.

Считаю необходимым отметить и подчеркнуть, что благодарен судьбе именно за такой поворот-разворот в моей жизни и карьере (в хорошем, здоровом понимании этого слова) юриста. До настоящего времени не испытываю абсолютно никакого комплекса неполноценности от того, что учился заочно, более того - горжусь этим и считаю, что именно сплав практики и теории создают настоящего грамотного «слугу закона». Не обижая «студентов-очников», убеждён в вышесказанном ещё и потому, что моё заочное обучение никогда не мешало мне в служебной деятельности и не препятствовало в продвижении по служебной лестнице.

В вуз поступил, цель определена - стать юристом, - а что дальше?! Было понятно, что нужно быть как можно ближе к юриспруденции, но как?

И вновь благосклонный, видимо, ко мне рок — родители узнали о вакансии в

Тракторозаводском районном народном суде г. Челябинска, и в ноябре 1963 года я стал секретарём по гражданским делам, а затем секретарём судебного заседания этого районного нарсуда. Два года в коллективе суда заложили во мне хороший «фундамент» юриста-практика. С огромной благодарностью всегда вспоминаю судей К. А. Зайцеву, С. И. Полякова, Г. К. Трифонова и др., весь коллектив суда за то, что они мне дали и что вложили в меня как в будущего юриста.

В тот же период я впервые увидел в работе «живых» сотрудников прокуратуры. Константин Иванович Черняев - тогдашний прокурор района, его помощники Сурьянинов и Ростова, адвокаты В. Н. Кузнецова, Р. А. Чернышенко, С. О. Конколович и многие другие их коллеги были людьми, по примеру которых формировался, и я как юрист, за что всем им глубоко благодарен.

Считаю, что мне в жизни здорово повезло: я практически всегда работал рядом с интересными людьми, грамотными правоведами, с которыми очень интересно сотрудничать и было чему у них поучиться.

Летом 1965 года я окончил 2-й курс СЮИ. К этому времени я уже был «на заметке» в аппарате областного суда и в УВД области, держал меня «под прицелом» и прокурор района К. И. Черняев. Полагаю, что не без его ведома меня пригласили в августе-сентябре 1965 года на беседу начальник отдела кадров областной прокуратуры Константин Андрианович Прилепский. Человек суховатый, с непростым характером, он вдруг предложил мне должность старшего следователя (хотя тогда в городах все следователи были «старшими») прокуратуры города Троицка.

Так в 20 лет, перейдя на третий курс СЮИ, я в сентябре 1965 года стал полноправным работником органов прокуратуры Челябинской области.

До сих пор хорошо помню, как целую неделю после моего назначения 13.09.65 г. на должность тогдашний прекрасный прокурор-криминалист (и величайший юморист по характеру) Иван Александрович Широков «дрессировал» меня в своём кабинете криминалистики и на полигоне - в красном уголке областной прокуратуры на 1-м этаже дома № 34 по ул. Елькина. Заставлял составлять протоколы осмотра, схемы к ним, постановления о назначении экспертиз, и т.д. и т.п. И, мне кажется, не особенно верил (скорее, в силу моего очень молодого возраста^и неполноценности юридических знаний к тому времени) в мои потенциальные профессиональные способности.

Но приказ о назначении прокурором области Николаем Петровичем Беляевым был подписан, все необходимые формальности выполнены, и 20 сентября 1965 года я впервые в своей жизни отправился рейсовым автобусом в город Троицк.

Прямо скажу, встретил он меня вначале далеко не ласково. Как в штате Техас, от автостоянки до ГОВД, где размещалась тогда прокуратура города, пришлось пробиваться через самую настоящую песчаную бурю.

Добрался, а в кабинет прокурора очередь граждан на приём. Пришлось ждать, и лишь в конце дня я сумел представиться И. С. Землянушину, незадолго до этого назначенному прокурором г. Троицка и переехавшему туда из г. Сатка.

Представление коллегам, вводная беседа и устройство в общежитие дизельного завода долгого времени не потребовали, и уже на следующий день на меня хлынули требующие рассмотрения уголовные дела...

Город Троицк и в криминальном плане являлся в те годы настоящим «Техасом». Поэтому скучать и раскачиваться не пришлось. Днём — допросы и иные следственные действия; вечером — подготовка и печатание обвинительных заключений и других документов, ночью — выполнение институтских заданий (контрольных и курсовых работ) и нередкие выезды на места происшествий. И так три года.

Но время летело незаметно, и жилось в Троицке весело и интересно. С глубокой благодарностью и уважением вспоминаю своего старшего коллегу Евгению Фёдоровну Аменицкую, которая, к сожалению, вскоре перешла в органы внутренних дел и возглавила следственное отделение Троицкого ГОВД; мудрость и здравый скептицизм помощника прокурора города Михаила Петровича Калугина.

Городская прокуратура располагалась тогда на улице Октябрьской, 75 в одном здании с прокуратурой Троицкого района, и мы все жили единой дружной семьёй. Александр Иванович Сажко (райпрокурор), мой коллега А. И. Исаев и помощник прокурора Рувим Соломонович Куринец, а также их шофёр Ваня Хрытин — все мы были одной прокурорской семьёй и в работе, и в отдыхе. Особо дружеские отношения, несмотря на значительную разницу в возрасте, сложились у меня с Р. С. Куринцом — участником Великой Отечественной войны, остроумным и грамотным человеком, книголюбом и прекрасным юристом.

Эта дружба с ним и его женой Полиной Львовной сохранилась на все последующие годы, и мы с супругой постоянно вспоминаем чету Куринцов с огромной теплотой и благодарностью.

Ежемесячно заканчивая расследование 5-7 уголовных дел, параллельно учились науке и жизни, любили (успевали и это, несмотря на шестидневную рабочую неделю). Летом 1967 года я привёз из Челябинска жену Лиду, с которой мы учились в одной группе, а через год у нас родилась дочь Наталья, которую мы часто зовём «троичанкой».

Осенью 1968 года мы с женой готовились к государственным выпускным экзаменам в институте, куда должны были выехать в середине ноября. И вдруг — совершенно неожиданный телефонный звонок из Челябинска: Александр Иванович Ростов, исполнявший на тот момент обязанности прокурора области, предлагает перевод в областную прокуратуру старшим следователем. Причём предложение это было сделано им в свойственной, пожалуй, только ему манере — коротко и категорично.

Надо сказать, что к тому времени я с А. И. Ростовым совершенно не был знаком, но немало слышал о его резком характере. Он и сейчас, спустя более 30 лет, находясь на пенсии и проживая в Москве, остался таким — напористым и категоричным в действиях и суждениях, верным долгу и своему кредо.

Л и ч н ы е с о м н е н и я в п р о ф е с с и о н а л ь н о й подготовленности к новой работе и страх (а сдам ли ещё успешно госэкзамены в институте), конечно же, были, но объективных причин для отказа — нет.

Доложил о разговоре Землянушину, который принял эту весть без энтузиазма и попытался меня отговорить, ссылаясь и на партийную Дисциплину, но потом смирился.

Так в октябре 1968 года я юрист 3-го класса — стал старшим следователем прокуратуры Челябинской области.

Сдав дела и квартиру (мы жили тогда в 16-м микрорайоне г. Троицка, напротив авиатехнического училища), попрощался с друзьями и коллегами, отправил в Челябинск к родителям жену и дочь, перевёз туда же на машине наш нехитрый скарб, закончив тем самым нашу «троицкую» эпоху».

Не приступив ещё к новой работе, мы с женой уехали в Свердловск, успешно сдали экзамены, получили в последних числах декабря дипломы и новый, 1969, год, встретили уже в Челябинске в кругу семьи.

2 января 1969 года я вышел на службу, представился Николаю Захаровичу Оленину, возглавлявшему тогда следственный отдел, и Глебу Степановичу Смолеву - заместителю прокурора области и куратору следствия, познакомился с коллегами. Нас - старших следователей - тогда было всего 5 человек: Р. В. Голубев, А. П. Литувев, И. С. Курзин, Б. А. Мраморов, А. И. Ененков и я.

Ни следственной частью, ни как-либо по-иному наша группа не называлась, а размещались мы в двух проходных кабинетах рядом с красным уголком на первом этаже областной прокуратуры в доме 34 по улице Елькина. Практически всех своих новых коллег я знал ранее по их приездам в Троицк, это были корифеи следствия и настоящие профессионалы и юристы, прекраснейшие люди и товарищи. О каждом из них можно и нужно написать целый роман, они того заслужили. Очень жаль, что некоторые из них (Толи Литувев, Вани Курзина, Саши Ененкова) уже нет в живых. Светлая вечная им память и низкий поклон всем за человеческую доброту, помощь в работе и поддержку.

Не успел я устроиться на новом рабочем месте в одном кабинете с Робертом Валентиновичем Голубевым, как в тот же день, 2 января 1969 года, нас с ним вызвал Н. З. Оленин и предложил выбор: одному — в Карталы на железнодорожное крушение, второму—в Аргаяш на пожар в районном универмаге. Право выбора, естественно, было за Р. В. Голубевым, и я отправился в Аргаяш принимать от тогдашнего районного следователя Г. В. Хашимова дело о сгоревшем универмаге.

Так началась моя двухлетняя жизнь в постоянных командировках. Росла маленькая дочь, а я видел её только по воскресеньям, да и то не всегда.

Шёл к концу январь, стояли настоящие уральские морозы, я завершал расследование дела о пожаре. И вдруг в ночь на 25 января (если мне не изменяет память) 1969 года - новое ЧП в Аргаяше, да ещё какое - вооружённое нападение на районное отделение Госбанка с убийством одного и тяжёлым ранением второго охранника. Так моя командировка в Аргаяшский район продлилась практически на весь 1969 год.

Это преступление наделало тогда много шума не только в области, но и в стране. Над его раскрытием трудились все службы областной милиции.

Следственные бригады в то время ещё не были в моде, поэтому приходилось работать и днём, и ночью.

Раскрыли мы его только в апреле, а немного вздохнули, лишь когда при выезде в лес с задержанным Пичугиным нашли взятый им у убитого охранника револьвер. «Шлейф» за Пичугиным и его подельником Обуховым тянулся до Хабаровского края, и в итоге мы сумели доказать совершение ими нескольких десятков различных преступлений.

Сейчас, к сожалению, юридический термин «бандитизм» стал практически обыденным явлением, поэтому с иронией вспоминаю, сколько нервов и усилий потребовалось нам в 1969-1970 годах для официального предъявления Обухову и Пичугину обвинения и

осуждения их по ст. 77 УК РСФСР. Однако для меня лично раскрытие данного преступления стало не только наградой за бессонные месяцы работы, но и чуть не послужило причиной увольнения, возможно, даже из органов прокуратуры.

Произошло это в середине мая 1969 года, когда я предъявил Обухову обвинение и начал его подробный допрос. Происходило это в нашем рабочем кабинете на ул. Елькина, 34, где мы тогда трудились лицом к лицу (через проход) с Анатолием Павловичем Литуевым. Было жарко, окно в кабинете раскрыто. Доставленный из КПЗ (она располагалась прямо под нами) Николай Обухов сидит в проходе между ролами спиной к окну, даёт показания, которые я записываю.

Напротив А. П. Литуев, осматривает какие-то вещи по одному из своих уголовных дел. Через какое-то время я на несколько секунд вышел из кабинета, вернулся, а в кабинете только онемевшие понятые, лишь показывающие пальцами на окно...

Я бросился поднимать тревогу, благо УВД и его дежурная часть были рядом.

Оказалось, что, воспользовавшись моей беспечностью, Обухов «ласточкой» нырнул через подоконник, добежал до улицы Васенко и зацепился за кузов проезжавшей мимо машины.

Спасибо А. П. Литуеву - не растерялся, выпрыгнул вслед за Обуховым и стал его преследовать, задержав у так называемого «городка МВД» за перекрестком ул. Васенко с проспектом им. Ленина. Пока объявляли «сирену» и вводили другие мероприятия, Литуев доставил Обухова в дежурную часть.

Шум-тарарам был во всех трёх ведомствах дома 34 по ул. Елькина. Служебные расследования, объяснения, а под вечер вызвал нас Н. З. Оленин, объявил Литуеву благодарность, мне - выговор и ... вручил пришедший накануне приказ о присвоении мне внеочередного звания «юриста 1-го класса», после чего мы с Литуевым и другими товарищами отправились ко мне домой на проспект Победы отмечать заранее назначенное на этот день наше первое в Челябинске семейное новоселье. Случившееся стало для меня (думаю, и для других тоже) уроком на всю жизнь.

После завершения дела Обухова и Пичугина расследовал дела в Сатке, Нагайбакском районе, Челябинске, а в марте 1971 года в моей службе произошёл новый, и опять неожиданный, поворот — меня вызвал Михаил Георгиевич Киселёв и заявил, что хватит заниматься следствием, пора осваивать иные направления прокурорской деятельности. Так я на два года стал прокурором отдела общего надзора, который в те годы возглавлял Арон Пейсахович Гельберг, человек опытный и мудрый, осторожный и ревнивый к другим отраслям прокурорского надзора. Именно он и коллеги по отделу З. С. Лычагина, В. Н. Чемезов, И. П. Пушкарёв учили меня азам и хитростям общенадзорной работы. Курировали наш отдел А. И. Ростов и сам М. Г. Киселёв, а их отношение к качеству исходящих из прокуратуры области документов было общеизвестно.

Так что школу прокурорского чиновника я прошёл неплохую. Скажу откровенно: работа в отделе надзора прокуратуры Челябинской области была для меня не в тягость, но и внутреннего удовлетворения приносила немного. Правда, несколько раз М. Г. Киселёв использовал мои следственные навыки и поручал мне расследование конкретных дел (по Челябинской спецшколе, о приписках в тресте «Уралчерметремонт»), Одним словом, когда весной 1973 года мне предложили возглавить прокуратуру Ленинского района г. Челябинска, я согласился, не раздумывая.

В апреле прошёл все согласования и утверждения, съездил в Москву, в Прокуратуру РСФСР, на беседу (тогда было чёткое правило - все впервые назначаемые прокурорами вызывались в Прокуратуру России на Кузнецкий мост, дом 13), и 8 мая 1973 года был назначен прокурором Ленинского района.

Проработал в этой должности четыре с половиной года, и эти годы стали одними из самых счастливых и ярких в моей служебной биографии, да и в жизни тоже. Работалось с интересом, даже с упоением.

Мой предшественник Михаил Семёнович Крячко передал мне отличный коллектив, с которым мы жили дружной семьёй и достаточно успешно решали все служебные задачи и проблемы.

Михаил Яковлевич Бояршинов, Нина Александровна Губанова, Римма Николаевна Жукова, Лидия Дмитриевна Уфимцева, Коля Бушуев, Николай Лебедев, Аня Эйфельд и Таня Измашкина, Ольга Владиславовна и Анатолий Яковлевич Чернышёвы, Галина Вениаминовна Кузьминична Селиванова, Виктор Николаевич Баландин, Ирина Афанасьевна Романова и Александр Васильевич Мокришин - каждого из этих «ленинцев» (кого-то, возможно, и забыл перечислить) хорошо помню по сей день, люблю их всех и уважаю за хорошую, дружную работу прокуратуры Ленинского района.

Именно они помогли мне стать настоящим прокурором и руководителем. Благодарность им всем огромная за нашу совместную работу! Очень хочу верить, что у каждого из них служебная и личная жизнь сложились за истекшие почти тридцать лет достаточно успешно.

Как известно, Ленинский район — один из самых промышленных в городе Челябинске. Что ни директор завода, то фигура: Я. Ф. Осадчий - трубопрокатный завод, Самарин - станкостроительный, Н. П. Богданов - КПЗиС, Н. М. Мусатов - завод электромашин, И. А. Пихуля - завод металлоконструкций, Кондратьев - управляющий стройтрестом № 42.

Эти фамилии были широко известны не только в городе и области, но и в стране. Построить молодому прокурору с каждым из них деловые конструктивные отношения по обеспечению законности в районе было непросто, но, кажется, нам при поддержке областной прокуратуры и райкома партии это удалось, и к прокуратуре в районе относились уважительно.

И здесь я не единожды добрым словом вспоминал Михаила Георгиевича Киселёва, внедрившего в кадровую политику метод постепенной подготовки кандидатов на должности горрайпрокуроров, «пропуская» их через подразделения областного аппарата.

По себе сужу — не пройди я накануне общенадзорной «стажировки», вряд ли из меня получился бы настоящий прокурор.

Кстати, М. Г. Киселёву я в своей работе и жизни многим обязан: весной 1975 года он буквально заблокировал, почти решённый по инициативе Александра Ивановича Ростова, вопрос о моём переводе в прокуратуру Чечено-Ингушской АССР, летом 1977 года упредил намерение обкома КПСС забрать меня для работы в отделе административных органов.

Человек принципиальный и прямой, суховатый по своему характеру и немногословный, он искренне и бескорыстно любил прокуратуру, берёг её кадры и немало доброго для них сделал.

Мои личные отношения с ним всегда были строго официальными, порой сложными, но уважительное отношение к нему как человеку и прокурору никогда не менялось и не изменилось до нынешних дней.

Думаю, все мы - бывшие и действующие работники органов прокуратуры Челябинской области - просто обязаны сегодня сказать: «Спасибо Вам огромное, Михаил Георгиевич, за Ваше многолетнее честное и плодотворное служение Его Величеству Закону! Многие годы Вам жизни и крепкого здоровья!»

Во второй половине 1977 года в Челябинске была воссоздана городская прокуратура. Возглавил её Николай Захарович Оленин, бывший до этого заместителем прокурора области, а я был в ноябре-декабре назначен к нему заместителем.

Всё пришлось начинать с нулевой отметки. Весь следующий, 1978 год, занимались, в основном, подыскиванием, а затем ремонтом здания на ул. Белостокского, 23, формированием аппарата и обустройством.

Параллельно искали свою нишу в правоохранительной системе города и своё место между райпрокуратурами и областной прокуратурой. Двигалось всё это медленно, с трудом, со взаимными упрёками и обидами. Причин тому как объективных, так и субъективных было немало, но главная (с моей точки зрения) заключалась в длительном отсутствии в целом по России и стране чёткого распределения прав и обязанностей городских прокуратур в областных центрах, если честно, то эти два года в прокуратуре города мне ничем интересным не запомнились.

В самом начале 1980 года стало известно о назначении моего первого прокурора и учителя Ивана Семёновича Землянушина, сменившего А. И. Ростова (после его отъезда в Чечено-Ингушскую АССР) на посту первого заместителя облпрокурора, прокурором Оренбургской области.

М. Г. Киселёв предложил мне занять освободившуюся должность. Так в феврале 1980 года я стал первым заместителем прокурора Челябинской области, но проработал в этом качестве только чуть больше года.

В январе 1981 года меня неожиданно и срочно вызвали в Москву, на стажировку в Прокуратуру РСФСР, а уже в апреле назначили начальником 1-го отдела - заместителем начальника следственного управления (его возглавлял тогда Н. С. Трубин) Прокуратуры РСФСР. В апреле 1981 года я самолётом вылетел в Москву и в тот же день приступил к исполнению новых служебных обязанностей.

Расставание с родным Челябинском и коллективами областной, городской и Ленинского района прокуратур было для меня непростым, но... как говорится, приказ получен, труба зовёт.

Правда, судьба предоставляла мне в 1985 году возможность вернуться в Челябинск прокурором области, но я не рискнул использовать этот шанс. А было это так: в январе 1985 года, будучи уже заместителем начальника Главного следственного управления Прокуратуры Союза ССР, я находился в санатории им. Кирова города Пятигорска.

Здесь, на отдыхе, узнал о присвоении мне первого «генеральского» звания - государственного советника юстиции 3-го класса, а спустя несколько дней раздался телефонный звонок из Челябинска - первый секретарь обкома партии Геннадий Григорьевич Ведерников, с которым мы были знакомы по работе в городе (он тогда возглавлял горком КПСС), настойчиво предлагает мне, в связи с уходом на пенсию М. Г. Киселёва, вернуться в родную область. Два или три раза говорили мы с ним по телефону на эту тему, но я всё-таки отказался, и прокурором Челябинской области по праву и справедливости стал тогда мой старый товарищ и наставник Роберт Валентинович Голубев.

Сам же я через полтора года, в мае 1986 года, вернулся на Урал прокурором Башкирской АССР, проработал там с огромным удовольствием три года (это было второе светлое пятно в моей служебной биографии), а в мае 1989 года вновь оказался в Москве уже заместителем Генерального прокурора Союза ССР - начальником Главного управления по надзору за следствием и дознанием.

Затем был развал Союза, работа в прокуратуре Московской области и возвращение (после октябрьских событий 1993 года) в Генеральную прокуратуру, но уже Российской Федерации, заместителем А. И. Казанника, с которым проработал всего несколько месяцев, но сохраняю память о нём как о честном и порядочном человеке.

13 мая 1994 года по инициативе тогдашнего и. о. Генерального прокурора РФ Илюшенко Указом Президента России Б. Н. Ельцина был освобождён от должности заместителя Генерального прокурора Российской Федерации «в связи с переходом на другую работу» (как и И. С. Землянушин, Э. Г. Денисов - мои тогдашние коллеги). Однако никакой другой работы в органах прокуратуры мне предложено не было, и с 20 июня 1994 года я считаюсь уволенным из нашей системы «по собственному желанию в связи с переходом на пенсию по выслуге лет».

Вот так и завершилась моя служба в органах прокуратуры. Ныне я пенсионер и адвокат Московской коллегии адвокатов «Адвокатская палата».

О Челябинске и челябинцах вспоминаю часто и всегда с теплотой и ностальгией по тем далёким уже 1960-70-м годам. Очень сожалею, что в этих коротких воспоминаниях не сумел хотя бы упомянуть всех своих добрых знакомых и коллег - Виталия Ивановича Воробьёва, Бориса Хатиповича Хатпова, Леонида Васильевича Чистякова, Марию Никифоровну Решетникову, Виктора Васильевича Лукьянова и многих, многих других. Все они заслужили искреннее уважение и глубокую благодарность за свой многолетний труд в органах прокуратуры Челябинской области.

В. И. Кравцев
Заслуженный юрист Российской Федерации
Эта статья В. И. Кравцева перепечатана из книги «На службе у
Закона — Правоохранительные органы Ленинского района г.
Челябинска (2011)

Володя всегда со мной...

Владимир Иванович Кравцев родился 16 июля 1945 года в г. Челябинске. Его родители: отец Кравцев Иван Петрович, мать Кравцева Зоя Васильевна. Оба они участники Великой Отечественной войны. Кравцева Зоя Васильевна долгие годы возглавляла Ветеранскую организацию участников ВОВ в г. Челябинске.

С Володей мы познакомились в 1963 году в Свердловске (теперь - Екатеринбург) в юридическом институте, где оба учились на заочном отделении. В тот период мы жили в Челябинске и в Свердловск приезжали два раза в год на сессию.

С самой первой сессии почувствовалось, насколько серьезно он был настроен на учебу, так как занимался целыми днями и даже ночами, в то время как мы с подружкой умудрялись во время сессии и в кино, и в театр сходить, а то и просто погулять по Свердловску.

Разница в оценке наших знаний была достаточно существенная, поскольку Володя все

предметы старался сдать на «отлично». На первом курсе мы даже поддразнивали его и называли «зубрилкой», а на втором курсе подружились, вместе готовились к экзаменам, всё успевали - и учиться, и гулять.

Встречались мы с Володей два года, а на 4-м курсе 24 июня 1967 года поженились. 4 июля 1968 года у нас родилась дочь Наталья. Родилась она за три месяца до госэкзаменов, и конечно, было очень нелегко к ним готовиться, особенно мне. Наши методисты и даже преподаватели знали, что у нас маленький ребенок, но мы не рассчитывали на поблажки, умудрялись найти время и хорошо заниматься.

В итоге родительские хлопоты не отразились на наших оценках. На госэкзаменах у нас с Володей баллы были почти одинаковые, мы всё сдали на «хорошо» и «отлично». А на банкете после вручения дипломов ректор поздравил нас с успешным окончанием института и заявил, что наша крошечная дочь, можно сказать, вместе с нами сдавала экзамены, и впоследствии они готовы принять ее в институт вне конкурса.

Наталья действительно пошла по нашим стопам, правда, окончила она юридический факультет МГУ. И вот уже более 25 лет успешно служит юриспруденции, работая адвокатом в Московской городской коллегии адвокатов, ведет очень сложные гражданские и хозяйственные дела.

Ещё учась в институте, мы оба начали работать по специальности. Володя после окончания 2-го курса стал работать следователем, а я по окончании 3-го курса - дознавателем, а после 4-го курса - адвокатом.

Позже в своих воспоминаниях Володя неоднократно говорил, что он очень ценил и даже гордился тем, что учился на заочном отделении, так как именно сплав практики и теории создаёт по-настоящему грамотного «слугу закона».

С самого начала трудовой деятельности он полюбил работу следователя, это стало его призванием, несмотря на то, что на первом этапе в городе Троицке Челябинской области ему приходилось нелегко. В те годы Троицк славился своей преступностью. Почти каждую ночь ему приходилось выезжать на место происшествия в связи с убийством либо другим тяжким преступлением. Но в то же время за эти три года работы следователем в Троицке Володя приобрёл колоссальный опыт и, когда его перевели старшим следователем в прокуратуру области, за его плечами уже имелся, можно сказать, солидный опыт следовательской работы. Где бы он ни работал далее, во главу угла он всегда ставил следствие. С большой теплотой в своих воспоминаниях Володя говорит о работе прокурором Ленинского района города Челябинска.

И, действительно, там у него был отличный молодой Работоспособный коллектив, который очень уважал своего молодого прокурора, ему тогда было всего 28 лет. В книге «На службе закона», изданной в Челябинске, его тогдашние подчиненные в один голос заявляют, что Кравцев В.И. отдавал себя работе беззаветно, в нем была такая поразительная ответственность, такая мощная энергия.

Не могу не привести слова из воспоминаний о нём следователя Ленинской прокуратуры города Челябинска Жуковой Р.Н.: «В 1973 году прокурором Ленинского района был назначен Кравцев Владимир Иванович. Это человек-глыба. И таких бы людей надо во все юридические вузы преподавать поставить, столько у него знаний, столько выдержки и мудрости. Глядя на таких, говорят, что «за Отчизну не стыдно». Он и внешне статный, высокий, приходит на процесс, сразу видно - прокурор пришёл. Работоспособностью

отличался необыкновенной и очень любил коллектив. Каких только путевок он для нас не «выбивал» - и в пионерские лагеря, и в дома отдыха. Коллектив наш тоже любил его. Думаю, поэтому он так высоко взлетел, и это заслуженно».

О своей трудовой деятельности в Челябинске Володя говорил с особенной теплотой, считая, что она стала плацдармом для его дальнейшей работы в прокуратуре. В 1981 году, уже с должности первого заместителя прокурора Челябинской области он был переведен на работу в Москву в Прокуратуру РСФСР и назначен заместителем начальника Следственного управления, на очень сложную и ответственную работу.

Затем также была следственная работа в качестве заместителя начальника Главного следственного управления Прокуратуры СССР. Когда в 1986 году ему предложили поехать в Башкирскую АССР прокурором республики, он, не раздумывая, согласился уехать из Москвы на самостоятельную работу.

О своей работе в Башкирии Володя всегда вспоминал с огромным удовольствием. Хотя работать в автономной республике было нелегко, но он нашёл общий язык и с Президентом Башкирии, и с правоохранительными органами. У него сложились хорошие, по-настоящему добрые отношения со многими коллегами и сотрудниками, и эти связи поддерживались долгие годы.

Где бы он ни работал, куда бы его не переводили, я всегда следовала за ним, в том числе и в Башкирию. Правда, там возникла проблема с моим трудоустройством.

В Москве я работала в Прокуратуре РСФСР прокурором отдела по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах. Но когда муж - Прокурор Республики, работать в прокуратуре мне было бы не совсем этично. Поэтому пришлось осваивать новую специальность на должности старшего юрисконсульта Президиума Верховного Совета Башкирской АССР.

В Башкирии мы прожили три года, а в мае 1989 года мужа перевели в Москву, уже заместителем Генерального прокурора СССР - начальником Главного управления по надзору за следствием и дознанием, то, есть он опять вернулся к своей любимой работе - следствию. Я же стала работать в Верховном Суде СССР старшим консультантом. Это продолжалось до развала Союза. После этого мы оба остались по существу без работы.

В день, когда стало известно, что Прокуратуры СССР больше нет, Володя вернулся домой просто чёрный, на него страшно было смотреть, так он переживал. Он налил стакан водки и со словами «За упокой Прокуратуры Союза», - выпил его. После этого он лежал три дня, не вставая с дивана, отвернувшись к стене, и ни с кем не разговаривая. Вот так сильно он переживал утрату того, что являлось смыслом его жизни.

Потом была работа в прокуратуре Московской области и возвращение (после октябрьских событий 1993 года) в Генеральную прокуратуру РФ заместителем Казанника А.И.

В октябре 1993 года Володя оказался в эпицентре событий и, как писали тогда газеты, он грамотно и профессионально решал вопросы исполнения амнистии в отношении Участников противостояния. Генеральный прокурор Казанник был отправлен в отставку, а Кремль вел переговоры о приостановлении исполнения амнистии.

Президент Ельцин был уверен, что без его личной отмашки никто не посмеет ничего сделать, хотя текст Постановления об амнистии частников октябрьских событий подразумевал немедленное исполнение.

В то время, как Кремль чувствовал себя уверенно, считая, что амнистии не будет, из Лефортово уже выходили первые узники. По телевидению прошло сообщение о том, что никому не известный Кравцев освобождает «октябрьских сидельцев» из Лефортова в соответствии с законом Госдумы об амнистии.

В газете «Коммерсант» от 01.03.1994 появляется статья с многозначительным названием: «На каждого Ельцина найдётся свой Кравцев», где было указано, что все попытки Кремля притормозить амнистию потерпели крах благодаря одному человеку - Кравцеву В.И., который не испугался, а добросовестно и в точном соответствии с законом выполнил свои обязанности.

В статье говорилось, что заместитель Генерального прокурора Владимир Кравцев, подписавший постановление об освобождении участников октябрьских событий, оказался сильнее всех властей. Однако Кремль не простил ему этого и отправил в отставку...

Но Володя не мог сидеть без дела, несколько лет работал адвокатом, вёл очень сложные уголовные дела, оказывая своим клиентам высококвалифицированную помощь.

Но всё-таки жить без дела всей своей жизни - следствия, он не мог. Поэтому в 2008 году он возглавил «Союз ветеранов следствия» при Следственном комитете Российской Федерации и оставался его бессменным председателем до самой смерти в 2013 году.

Эту свою общественную работу он очень любил, каждого ветерана высоко ценил как личность, всегда старался как-то облегчить жизнь ветеранов войны, добивался для них заслуженных наград. А День Победы 9 мая всегда был самым важным праздником и для самих ветеранов, и для тех, кто его готовил во главе с Председателем «Союза ветеранов следствия» В.И. Кравцевым.

Уже после его смерти на поминках многие друзья и коллеги говорили о его чрезвычайной скромности. Добиваясь чего-то для своих сотрудников либо для ветеранов, Володя никогда не просил и тем более не требовал ничего для себя. Многие были удивлены, узнав, что, когда при назначении его заместителем Генерального прокурора СССР ему была предложена трехкомнатная квартира, он отказался, посчитав, что это будет неэтично, и согласился только на двухкомнатную, где и проживал до своего ухода из жизни. Он не имел никаких шикарных коттеджей, но очень любил свой участок в 6 соток с обыкновенным, можно сказать деревенским домом и беседкой, где в последние годы он частенько сидел, курил и разгадывал sudoku.

Не могу не сказать о том, что самой большой его любовью стала долгожданная внучка Ксюша. К сожалению, дочка подарила ее нам только в 2004 году. Но как же он ее обожал, это просто не высказать словами. Друзья рассказывают, что о ней он мог говорить часами, при этом сам весь светился. Володя очень тепло относился к семье, ко всем родственникам, друзьям, очень любил собирать всех вместе, вообще любил гостей. Он был стержнем и опорой для всей нашей многочисленной родни, все его очень уважали, прислушивались к его мнению, спрашивали совета. По его примеру многие наши родственники - Володины племянники и племянницы, а теперь уже и внучатые племянники пошли в юриспруденцию, стали адвокатами, нотариусами, юрисконсультами. Безумно жаль, что он ушел из жизни так рано, нам его очень не хватает. Но мы все любим и помним его, а для меня Володя - всегда со мной...

Лидия Кравцева

Слово о шефе

Когда Владимир Иванович заступил на должность прокурора Республики Башкортостан, мне было 20 лет, и я работала его секретарем, инспектором приемной. До него на протяжении многих лет прокуратурой руководил Филатов Иван Тимофеевич, участник Великой Отечественной войны, которого сотрудники между собой называли Иваном Грозным.

По его вызовам в кабинет без принятия таблетки валидола никто не входил. Владимир Иванович был назначен на должность прокурора республики после того как Иван Тимофеевич скоропостижно скончался от сердечного приступа на рабочем месте.

Владимир Иванович разительно отличался от Ивана Тимофеевича, он был значительно моложе, общался просто, в то же время не допускал панибратских отношений. Первое, что он изменил в работе, это порядок получения его подписи на документах. Прежде сотрудники, чтобы подписать документы по нескольку дней, сидели в приемной в очереди, прокурор перечеркивал текст, ничего не поясняя, и так по нескольку раз.

Владимир Иванович отменил этот порядок и поручил все дела и документы оставлять мне. Поступающую почту Владимир Иванович рассматривал очень быстро, так сказать «с колес». Также была изменена манера общения с подчиненными: при разрешении жалоб часто вызывался непосредственно исполнитель, и Владимир Иванович после его доклада оставлял себе на изучение уголовные дела и материалы.

В те времена несколько раз Владимир Иванович выступал в роли Жеглова, а я была Шараповым. Это, когда выходя ненадолго из приемной, я оставляла на столе дела и документы, они «исчезали», а он говорил, что ничего не брал, и далеко не сразу, с отеческой улыбкой, сознавался, строго сообщая, что при повторении в будущем меня не пощадит. При этом хочется особенно отметить, что за все время работы Владимир Иванович никогда не повысил голоса ни на меня ни на других сотрудников и посетителей.

Как секретарь я могу сказать, что он был очень работоспособным и скромным человеком. Так, в Обком КПСС, в Президиум Верховного Совета он ходил пешком, работал допоздна, обычно до 20 - 21 часа, без обеденного перерыва, каждое утро он звонил своей дочери Наталье, которая была моей ровесницей.

Первое время я была шокирована таким режимом работы, а особенно количеством кофе и сигарет, которые употреблял Владимир Иванович. Я боролась с этим, как могла, проветривала его кабинет, покупала для него в буфете беляши, говорила, что не могу ходить на обед, потому что он не кушает, и через несколько месяцев добилась того, что он стал ходить в столовую.

В тот период Владимир Иванович подорвал свое здоровье, я не знала всех подробностей, но он, как член Обкома партии имел какие-то разногласия с властями, у него была принципиальная позиция по многим делам, а в те времена жалобы граждан, дела находились на контроле в Обкоме КПСС. Владимир Иванович на несколько дней был госпитализирован из-за проблем с сердцем, при посещении его в больнице я и познакомилась с его супругой Лидией Михайловной, и было очень заметно, с какой нежностью и любовью он относился к супруге и дочери.

Вообще, три года, которые мне довелось работать вместе с Владимиром Ивановичем, как я его называла за глаза «шефом», были самыми счастливыми, динамичными, и после его перехода на работу в Москву я, как и многие другие сотрудники, пролила много слез. Это время было для меня я счастливым, потому что я работала рядом с очень упитанным, талантливым и доброжелательным человеком.

Теперь после его смерти я очень жалею, что не высказала Владимиру Ивановичу слова благодарности и признательности за то, что он заложил во мне те профессиональные качества, которые позволили дослужиться до прокурора-криминалиста окружной прокуратуры г. Москвы, а впоследствии и судьи.

К сожалению, общались мы с Владимиром Ивановичем не очень часто и в основном по телефону. Я переживала его уход не по своей воле в отставку, как личную трагедию. Только теперь до меня дошло, насколько тяжело он это перенес, а фактически и не смог перенести. Статус адвоката, который получил Владимир Иванович, был для него шансом иметь хоть какую-то возможность продолжать заниматься своим любимым делом и никак не отразился на его порядочности и благородстве. Очень хочется сказать: «Владимир Иванович, дорогой, как жаль, что Вы не с нами, но память о Вас сохранится в сердцах людей, которым, как и мне посчастливилось быть с Вами рядом!»

И многих людей, с кем приходится сталкиваться в жизни, я по качествам характера всегда сравниваю с Владимиром Ивановичем. А для себя, еще когда работала секретарем, решила: есть на кого по жизни равняться.

Член Мосгорсуда Елена Аграрова

Момент истины

В моей памяти Владимир Иванович Кравцев остался как толковый руководитель и как честный человек. В аппарат прокуратуры РСФСР он пришел в 1981 году начальником одного из зональных отделов следственного управления.

Крепкий, спортивного вида молодой мужчина как-то сразу располагал к себе. Не рисовался, не старался произвести впечатление, был простым и доброжелательным. Охотно согласился участвовать в шахматном турнире на первенство следственного управления, набрав около 50 процентов очков. Проиграв партию, никогда не высказывал претензий к противнику и не пытался доказать, как некоторые, что, мол, «моя позиция была лучше».

Большинству сотрудников следственного управления Владимир Иванович пришелся по душе, и вскоре его избрали членом партбюро. Будучи самым старшим в составе бюро по занимаемой должности, он держался демократично, не позволял себе нравоучений, высокомерия, неуважения к коллегам.

Отличительная его черта - добросовестность. Владимир Иванович не мог принимать решений, не разобравшись с тем или иным вопросом до конца, не взвесив всех доводов «за» и «против». Именно по этой причине его можно было увидеть на рабочем месте поздно вечером и в выходные дни. Требовательный к себе, он не понимал людей безответственных, необязательных, не терпел поверхностного подхода к делу.

Как-то я оказался невольным свидетелем его разговора по телефону с одним из периферийных руководителей: «Я бы не пошел с Вами в разведку!». Это был максимум реагирования, который мог позволить себе Владимир Иванович. Грубости, оскорблений по отношению к подчиненным, даже нерадивым, он никогда не допускал.

Летом 1983 года Кравцев В.И. возглавил бригаду, проводившую комплексную проверку прокуратуры Ставропольского края. На меня, старшего прокурора оргметотдела, он возложил проверку организации работы непосредственно в следственном отделе, его влияние на уровень преступности, состояние прокурорского надзора за соблюдением

законности при расходовании преступлений.

Окунувшись в работу, я с удивлением обнаружил, что заместитель прокурора С. попросту устранился от дел, никак не влиял на состояние следствия, не владел информацией по элементарным вопросам. О своих наблюдениях я доложил бригадиру. Оказалось, что Владимир Иванович по своим каналам пришел к тем же выводам. Он сообщил мне, что С. ранее посчитал себя незаслуженно обиженным в карьерном росте и фактически отошел от дел. Через некоторое время Владимир Иванович поговорил с этим руководителем наедине и последний подал заявление об уходе «по состоянию здоровья».

Прочитав эти строки, кто-то может сказать, что вот, мол, негуманно обошлись с ветераном прокуратуры. Непросто было и нам с Владимиром Ивановичем принимать такое решение. Но, с другой стороны, рассуждали мы, этот человек возглавляет большой и важный участок работы, от его усилий во многом зависят состояние преступности и законности в крае. Кроме того, он своей пассивностью расхолаживает подчиненных, пресекая в корне всякую инициативу. Глядя на него, люди приходят к вредному выводу, что можно ничего не делать и все равно получать зарплату.

В 1983 году Кравцева В.И. назначили начальником организационно-методического отдела, старшим прокурором которого в то время являлся автор этих строк. Приступив к новой должности, Владимир Иванович поинтересовался, есть ли срочные, «горящие» поручения Прокуратуры СССР. Я ответил, что есть, над этой докладной запиской работаю, и обещал представить проект (для ознакомления) к вечеру. Свое обещание я выполнил, было это в конце рабочей недели. Утром в понедельник - сразу к шефу, чтобы взять рукопись и отдать в машбюро. Каково же было мое удивление, когда он вручил мне уже отпечатанный текст. Оказывается, он в выходные дни приходил в свой кабинет, подправил документ и сам же его отпечатал. Как бы извиняясь, пояснил: «Срок же — сегодня. Я как раз иду в Союзную. Там и передам».

Вспоминается другая ситуация. В свое время начальник первого зонального отдела Лайнер Г.Р. оказал «добрую услугу» начальнику методического отдела Николаеву А.И. в заполнении вакансии: «Возьми у меня зонального прокурора К. он и работу хорошо знает, и документ составить может». Вакансия образовалась давно, и Алексей Ильич, поверив коллеге на слово, согласился с переводом К. в свой отдел.

Много лет назад К. закончил юридическую школу, потом - заочно - институт. Опыт работы у него был богатый, он мог при изучении конкретного уголовного дела дать толковые рекомендации: кого и по каким вопросам дополнительно допросить, какую еще версию проверить и пр. Но для прокурора-методиста этих качеств явно маловато. Он должен уметь разглядеть в море цифр и фактов те или иные закономерности, тенденции, четко обозначить их и дать конкретные, аргументированные предложения.

Мне за свою 30-летнюю практику не раз доводилось знать коллег, которые блестяще выступали на собраниях или совещаниях, причем без бумажки. Но когда им нужно было изложить все сказанное в письменном виде, они явно пасовали. Это маловероятно, но - факт. Я тоже на первых порах отказывался верить такой метаморфозе, но потом убедился: для отдельных людей устная и письменная речь - две большие разницы.

Вскоре Николаев А.И. понял, что необходимых качеств аналитика у К. нет, и даже посетовал как-то, что «хитрый Лайнер» его обманул.

Когда организационно-методический отдел возглавил Кравцев В.И., он, конечно же, тоже выделил «слабое звено». Считаю принципиально важным подчеркнуть, что ни

Владимир Иванович со мной, ни я с ним по поводу профпригодности К. никогда не говорили.

Узнал я обо всем этом от самого К. Оказывается, Кравцев В.И. имел с ним тяжелый разговор, предлагал вернуться на зону с тем же окладом. Но К. обиделся, пожаловался Прокурору РСФСР Кравцову Борису Васильевичу, который пользовался в аппарате большим и заслуженным авторитетом. Борис Васильевич принял, как он полагал, справедливое решение: «Не трогайте участника войны, пусть он работает там, где считает нужным».

Если бы вдруг Борис Васильевич спросил тогда о моем мнении, я поддержал бы Владимира Ивановича. Ведь в зональном отделе К. принес бы больше пользы, а сюда, на его место, пришел бы человек с творческой «закваской» и, следовательно, можно было ожидать большей отдачи от аналитической деятельности. Владимир Иванович тяжело переживал свою неудачу, однако ни с кем (в том числе со мной) обидой не поделился.

В 1984 году мой бывший шеф Николаев А.И., работавший к этому времени начальником одного из отделов Прокуратуры Союза, предложил мне перейти к нему, при этом строго-настрого наказал: «Чтобы ни одна живая душа не узнала!» - и я молчал, как партизан...

Но вот новость: Владимир Иванович сказал, что буквально завтра переходит на новую работу: начальником отдела в управление кадров Прокуратуры СССР.

От неожиданности я проговорился:

- Как, и Вы тоже? - пришлось рассказать о нашей с Николаевым договоренности.

Владимиру Ивановичу этот вариант явно не понравился:

- Нет, так не годится! Кто же останется у руля в отделе?

И тут я буквально кожей почувствовал, что столь ожидаемый мой перевод не состоится, что фанатичная преданность Владимира Ивановича делу окажется выше личных отношений, и что он сделает самые энергичные шаги, чтобы я остался на прежнем месте. Так оно и случилось. Через несколько дней позвонил Алексей Ильич: «Ну что же Вы, и меня подвели, и сами в лужу сели! Я же просил: никому ни слова!»

Несмотря на такую «подножку» со стороны Владимира Ивановича, моё уважительное к нему отношение не изменилось. Я знал, что он просто не мог поступить иначе.

Прошло время. Кравцев В.И. уже несколько лет работал прокурором Башкирской АССР, и работал неплохо. Заметно улучшились основные показатели прокурорской деятельности, был налажен хороший контакт с подчиненными. Однажды совершенно неожиданно Владимир Иванович зашел ко мне в кабинет, поговорили о том, о сем, в обеденный перерыв сыграли в шахматы. Был он какой-то возбужденный и в то же время рассеянный, три блиц-партии проиграл вчистую.

На другой день я узнал, что Кравцев В.И. назначен на должность заместителя Генерального прокурора СССР, куратором следствия. Теперь стала понятной причина его вчерашней отрешенности...Занимая столь ответственный пост, Владимир Иванович оставался таким же простым и доступным, как ранее, при встречах первым пожимал руку, спрашивал, как живется.

Потом настало «смутное» время, Советский Союз развалился, Прокуратура СССР прекратила свое существование. Большинству ее сотрудников пришлось искать новую работу. Вакансии заместителя Генерального прокурора Российской Федерации в то время не было, и Владимир Иванович около двух лет работал заместителем

прокурора Московской области, - как всегда - добросовестно, с полной отдачей. Затем вакансия появилась и на должность заместителя Генерального прокурора РФ утвердили, конечно же, Кравцева В.И.

Острейший политический кризис в стране продолжался. Как в калейдоскопе менялись Генеральные прокуроры Российской Федерации: Степанков, Казанник, Ильюшенко... На смену профессионалу, умелому дипломату Степанкову В.Г. волею судьбы (а точнее, «демократа» Ельцина) пришёл Алексей Иванович Казанник - наивный человек, но честный юрист, учёный муж, идеалист (Дон-Кихот, как прозвали его газетчики).

В августе 1991 года бестолково прозвучал холостой выстрел ГКЧП, окончательно укрепивший позиции Ельцина в его притязаниях на абсолютную власть. По этому факту возбудили уголовное дело, заговорщиков арестовали.

В октябре 1993 года - новая битва за власть, теперь бунтовщиками оказались бывшие соратники Ельцина: Руцкой, Хасбулатов и другие. Белый дом, где они укрывались, расстреляли из танков, погибло более ста человек.

Казаннику А. И. выпало тяжкое испытание: обеспечить объективное (как он полагал) расследование по упомянутому делу о деяниях злейших врагов Ельцина.

Алексей Иванович не строил из себя большого начальника или всезнайку. Он не боялся учиться у коллег следственной науке (и практике), старался вникать во все детали этого беспрецедентного дела. Ведь ходом расследования постоянно (и пристрастно) интересовался «хозяин» Кремля.

Непосредственной организацией расследования занимался заместитель Генерального прокурора Российской Федерации Владимир Иванович Кравцев. Он систематически появлялся в следственной части, знакомился с новыми материалами, вместе с начальником этого подразделения Феткулиным В.Х. составлял планы дальнейшей работы, правил проекты документов, адресованных «наверх».

Как правило, они же вдвоём еженедельно докладывали Казаннику о ходе следствия. Нетрудно представить, как мучился добросовестный Алексей Иванович: с одной стороны, от него агрессивно требовали скорейшего окончания дела, а с другой - он видел, какие архисложные проблемы возникают на этом пути.

Назовём лишь некоторые препоны, касающиеся расследования дела о событиях 3 октября 1993 года.

В этом «разгуле демократии» участвовали военнослужащие, однако допросить кого-либо из них долгое время не представлялось возможным, так как министр обороны Грачёв попросту запретил им давать показания. Было подготовлено специальное письмо Генерального прокурора на имя Президента страны с просьбой отменить это нелепое распоряжение. Однако к этому времени выяснилось, что большинство военнослужащих - солдаты, завершившие срок своей службы, разъехавшиеся, как говорится, кто - куда. Надо было устанавливать места пребывания бывших воинов, давать отдельные поручения о допросах, некоторых - вызывать и прочее.

В следственную бригаду по делу входили следователи не только прокуратуры, но и МВД, и Министерства Безопасности России. Через несколько месяцев после начала расследования Ельцин своим указом распустил Министерство Безопасности, а это значит, что доказательства, полученные следователями несуществующего ведомства, теряют процессуальную силу.

Не был установлен окончательный размер материального ущерба, полученного в

результате упомянутых событий. В уголовном деле имелось аж три разных справки на эту тему, и сумма в каждой из них отличалась от предыдущей буквально в разы!

Казанник прекрасно понимал, что при наличии таких пробелов в расследовании судебная перспектива дела равна нулю. Но «умники» из Администрации Президента, в том числе Ильюшенко, поднимали его на смех: «Чего тут расследовать? Направляйте в суд видеокadres, - и все дела!».

Разгромив Верховный Совет и Съезд народных депутатов, Ельцин не нашёл взаимопонимания и с Государственной Думой. Вопреки его яростному сопротивлению она проголосовала за амнистию по двум «политическим» делам 1991 и 1993 годов.

Теперь массовой атаке подвергся Генеральный прокурор. И сам Президент, и его верная команда чуть ли не выкручивали ему руки: «Не вздумай выполнять требования амнистии, ни в коем случае не освобождай арестованных!».

Алексей Иванович, хоть и интеллигент (в лучшем смысле этого слова), все атаки выдержал и свой долг исполнил. Для него, в отличие от «гаранта» Конституции, требования закона - не пустой звук. В последних числах февраля 1994 года все вчерашние арестанты оказались на свободе.

Естественно, на этом карьера Алексея Ивановича закончилась...

Помню его прощальное выступление в Мраморном зале Генеральной прокуратуры. Он не жалел о содеянном, и даже был горд тем, что пострадал во имя закона. Он поведал нам о том, как эта «стая» безжалостно давила на него, как он был разочарован «демократическими» преобразованиями Ельцина и откровенно признался: «Теперь я бы не уступил ему своё место в Верховном Совете СССР...».

Мы, присутствовавшие в зале, устроили Алексею Ивановичу такую овацию, какая вряд ли звучала в лучших театрах страны и мира. У многих на глазах стояли слёзы... А на другой день нам уже представили нового Генерального прокурора, хоть и с приставкой и.о., Ильюшенко А.Н.

Его я тоже хорошо знал. В 1987 году я был уже Пальником того же (организационно-методического) отдела следственного управления Прокуратуры РСФСР и, одновременно, секретарём партбюро управления.

В кабинет вошёл высокий, стройный, довольно симпатичный молодой человек со значком мастера спорта на лацкане пиджака. Представился, сообщил, что хочет встать на учёт. Я, как всегда в таких случаях, поинтересовался, откуда он приехал, где и кем работал, женат ли, каким спортом занимается и пр.

Оказалось, что он мастер спорта по классической борьбе, близко знаком с самим Иваном Ярыгиным. Кроме того, увлекается шахматами.

Поначалу он производил довольно приятное впечатление: вежлив, доброжелателен, открыт. Частенько после работы играли с ним в шахматы. Потом стал замечать за ним стремление угодить, польстить, повышенное внимание к карьерному росту. Но особого значения этому я не придавал: молодой, всё образуется. Интересная закономерность: он постоянно конфликтовал с коллегами - соседями по кабинету, но с начальством не ссорился никогда.

В течение шести лет Алексей Николаевич медленно, но уверенно продвигался по служебной лестнице, и вот он уже зам. начальника отдела межнациональных отношений Генеральной прокуратуры РФ.

По роду службы как-то поехал в Чечню вместе с соратником Ельцина - Сергеем Филатовым, осуществляя две функции: представителя прокуратуры и личного охранника начальства. Он сам мне потом рассказывал, как с автоматом на плече всюду) сопровождал Филатова.

Я уже говорил, что Алексей Николаевич умел нравиться людям, знал, как проникнуть к ним в душу. Во всяком случае Филатова он очаровал. Вскоре в Администрации Президента освободилась должность начальника контрольного управления, на которую в марте 1993 года и был назначен наш бывший коллега. Верой и правдой служил он Ельцину, был замечен и обласкан.

Менее чем через год - новое назначение - на пост Генерального прокурора (Ельцин не сомневался, что Совет Федерации безропотно утвердит Ильюшенко без приставки и.о.).

Итак, в конце февраля 1994 года Председатель Правительства России Черномырдин В.С. приехал представлять нового Генерального прокурора, дал ему слово.

Какая разительная перемена случилась с человеком! Всего год назад это был приятный молодой мужчина, теперь - бронзовый монумент в небрежной позе. Он что-то невразумительно (но -солидно) проговорил о новых задачах, которые нам надо решать, а закончил вовсе «круто»: «Все - свободны».

«Вот спасибо, - острили шутники, - на свободу с чистой совестью!».

А на следующий день мне позвонили из приёмной и сказали, что в 17.00 я должен быть у «самого». Думаю, что бы это значило? В назначенное время собрались в кабинете Ильюшенко: зам. прокурора РФ Денисов Э.Г., автор этих строк и ещё четыре человека из разных подразделений.

Ильюшенко пояснил, что его распоряжением создана специальная комиссия, которая призвана проверить организацию расследования уголовного дела по событиям 1991 и 1993 годов.

«У руководства страны складывается впечатление, что следствие по делу бойкотировалось, умышленно затягивалось», - заявил Ильюшенко. Руководителем Комиссии утверждён Денисов, «рабочим бригадиром» - Пистер.

Вот такие пироги! Оказывается, «руководству страны» уже всё известно, а нам остаётся только оформить его выводы. Срок исполнения - один месяц. Каждую среду Денисов и Пистер докладывают Алексею Николаевичу о ходе и промежуточных результатах проверки. Самое интересное: Денисов - «почётный руководитель», а я - «рабочий бригадир». А это значит, что справку (можно сказать - приговор) придётся писать мне, и только мне.

Здесь уместно напомнить ещё об одном обстоятельстве: в связи с нападками на Казанника Кравцев В.И. в своём интервью очень резко отозвался об Администрации Президента и заявил, если Казанника уберут, уйдёт в отставку и он (Кравцев).

Этого ему, разумеется, не забыли.

Вот он, момент истины! Кравцева они, конечно, уберут в любом случае, но не моими руками. Справка будет строго объективной и первый, кто её увидит из руководства, будет Владимир Иванович.

Итак, наше расследование началось. Мы скрупулёзно изучали организацию

расследования, опросили множество следователей, знакомились с материалами дела.

Масла в огонь подливал тогдашний начальник следственной части Гайданов О.И. Он всячески внушал нам, что следователи не умеют и не хотят работать, нарушают процессуальные нормы и пр. Чуть ли не каждый день он приходил к Ильюшенко и доносил ему о новых прорехах в работе следственной части.

Таким же агрессивным был и настрой самого Ильюшенко. Он был убеждён, что дело действительно бойкотировали.

В ходе нашей проверки, разумеется, вскрывались и серьёзные пробелы в организации расследования, но мы убедились: бригада следователей сделала всё, что могла, об умышленном затягивании сроков не могло быть и речи.

Об объективных препятствиях расследованию дела (см. выше) мы с Денисовым и докладывали и.о. Генерального прокурора (обычно с ним находился и Гайданов). Ильюшенко явно нервничал, иногда просто выходил из себя. В один из таких моментов я не выдержал: «Не надо на меня давить! Я не меньше Вашего живу на свете и не меньше работаю в прокуратуре. В справке будет только объективная информация!». После этого Ильюшенко как-то успокоился и потерял интерес к моей особе. Он понял, что социальный заказ «руководства страны» выполняется не так, как хотелось бы.

Закончив через несколько дней справку, я сразу пошёл с ней к Кравцеву:

«Владимир Иванович, для меня Ваше уважение дороже, чем расположение Ильюшенко. За каждое слово в этой справке я ручаюсь». Скорее всего, кабинет Кравцева прослушивался, - ну и пусть! Владимир Иванович тут же ознакомился со справкой и, что особенно приятно, поблагодарил за объективность.

Прошло ещё какое-то время, и Владимира Ивановича из органов прокуратуры изгнали, на его место назначили Гайданова О.И. Моя фамилия была вычеркнута из списка соискателей на генеральское звание, я был «переведён на другую работу» с понижением: из начальников отдела в следственном управлении в заместители начальника отдела по делам несовершеннолетних. Но такой поворот меня нисколько не опечалил, ведь с командой Ильюшенко мне не пришлось больше иметь никаких дел.

**государственный советник юстиции 3 класса
Почетный работник Прокуратуры Российской Федерации
Яков Пистер**

Командир, за которого никогда не было стыдно

После того, как не стало Владимира Ивановича, у меня в памяти часто возникает такой эпизод. 10 июня 1990 год.

На шестой день после начала массовых беспорядков в г. Оше и ряде районов этой области мы с Владимиром Ивановичем Кравцевым, заместителем Генерального прокурора Союза СССР по следствию, и несколькими следователями летим на вертолете в районный центр Узген, расположенный в 54 км северо-восточнее столицы Ошской области - города Ош.

Город в огне, дым застилает видимость, людей не видно. Вертолетчики - молодые ребята, воевавшие в Афганистане, привычно выполнив противоракетный маневр, стремительно садятся на футбольное поле местного стадиона. Тут же к нам подъезжает бронетранспортер, из которого выходят встречающие нас прокурор Киргизской ССР Иванцов Г.И. и военный комендант, а по сути спаситель Узгена полковник Евневич В.Г. Это бойцы его бригады, стремительно войдя в Узген, разогнали ворвавшихся и устроивших здесь кровавую резню киргизов из близлежащих сел и спасли десятки тысяч жизней, проживающих здесь узбеков. Взяли под охрану жизненно важные объекты.

По прибытии в здание местного райкома партии, где разместился кризисный штаб, Иванцов и Евневич доложили сложившуюся к этому времени обстановку в городе и районе. На улице жара. Буквально перед нашим прибытием с центральной площади убрали большое количество лежавших здесь неопознанных трупов. Захоронили в братских могилах, так как места для их надлежащего хранения здесь не было. Боялись, что разлагающиеся тела вызовут эпидемию в городе.

К этому времени у нас уже имелся определенный опыт расследования массовых беспорядков в Фергане, Сумгаите, Абхазии, Баку, поэтому без лишних проволочек приступили к расследованию.

Владимир Иванович поручил мне, тогда следователю по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР, принять дело о резне в Узгене, а также беспорядках на территориях Советского и Алайского районов к своему производству, возглавив соответствующую следственную группу, которую еще предстояло сформировать.

Именно в Узгене эти беспорядки приобрели наиболее массовый и жестокий характер. Количество жертв уже тогда исчислялось сотнями и постоянно увеличивалось. Расследование массовых беспорядков поручено прибывшему позднее старшему следователю по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Калиниченко В.И. Общее руководство осуществлял заместитель начальника управления по расследованию особо важных дел Фролов А.В.

И если в Оше существовали более-менее приемлемые условия для расследования, в Узгене все пришлось начинать буквально с нуля, хотя прибывшие с Иванцовым следователи прокуратуры Киргизии уже кое-что пытались сделать - начали производить осмотры мест происшествий, трупов, их опознание, назначать судебно-медицинские экспертизы и пр.

Но людей явно не хватало.

Оценив создавшуюся ситуацию, Владимир Иванович поручил мне заняться расследованием, заявив, что все организационные вопросы по комплектованию группы, созданию элементарных условий для работы и существования группы, ее безопасности, размещению, он и Иванцов возьмут на себя. Благо, что здания районной прокуратуры, райотдела и райкома партии разгрому не подверглись, и там можно было работать. Организацию нашего питания и охрану взяли на себя военные. А где ночевать, где элементарно умыться? Имевшаяся гостиница была полу разгромлена. Для приведения ее в более-менее нормальный вид требовалось время. Это на себя взяла местная власть.

Первое время ночевали в помещении местной прокуратуры, спали вповалку в кабинете прокурора района, расстелив на полу матрасы. Владимир Иванович категорически отказался возвращаться в Ош, заявив, что пока не будет создано элементарных условий для работы следователей, он никуда не уедет. Вот так несколько дней он вместе с Иванцовым спал на полу вместе с моими ребятами из группы. В умах местных следователей, питавших особое почтение к начальству, это никак не укладывалось. Но буквально на следующее утро я заметил, что к Владимиру Ивановичу отношение резко изменилось. Слух о том, что он,

несмотря на занимаемую высокую государственную должность, не требует для себя особых привилегий, стойко переносит вместе с подчиненными «невзгоды следственной службы» разнесся моментально. Он заслужил особое уважение ребят, и надеюсь, что до сих пор в своих сердцах они сохранили к нему это чувство.

Должен заметить, что мы были одеты по-летнему, в легких светлых костюмах и обуви (летели на юг), которые через несколько дней после осмотров пепелищ приобрели довольно непрезентабельный вид. Вместе с нами Кравцев выезжал на осмотры, поставив задачу в первую очередь производить осмотры тех объектов, в восстановлении и в работе которых нуждалось местное население. Он договорился с Министерством обороны и нам привезли камуфляж и афганку - легкую, но очень удобную армейскую форму.

Лишь только после того, как у нас наладились более-менее приемлемые для работы условия, он уехал в Ош. Но нас не забывал. В каждый свой приезд в Ошскую область, он всегда находил время заехать в Узген и узнать, как мы работаем и живем. А в следственной бригаде только следователей уже работало около двухсот человек, не считая оперативных работников МВД, КГБ, экспертов-криминалистов, судебных медиков, пожарных специалистов.

Постепенно у нас появились своя гостиница, столовая, автопарк и даже своя заправка. В штабе группы - редкие тогда компьютеры, об остальном - не говорю.

Очень остро стоял вопрос с установлением личности погибших. Нужно было устанавливать места массовых стихийных захоронений, проводить эксгумации трупов, проводить их идентификацию. Тогда нам на помощь пришли бывшие воины-афганцы, которые вместе с приданными им следователями и оперативными сотрудниками проводили эту адскую работу. Впоследствии, благодаря усилиям Владимира Ивановича, наиболее отличившиеся из их числа, были поощрены бесплатными путевками в санатории и дома отдыха.

В памяти возникает и такой эпизод. Кравцев приехал в Узген на заслушивание результатов нашей работы. Здесь уже находились ответственные работники ЦК КП Киргизии и Совмина республики во главе с первым секретарем ЦК Масалиевым. Докладывал я. Когда перешел к количественному и национальному составу погибших, Масалиев выразил неудовольствие тем, что основную их массу составляли лица узбекской национальности, включая немалое количество женщин и детей. По его мнению, мы необъективно подходим к расследованию гибели лиц киргизской национальности, он выразил сомнение в достоверности общего количества погибших киргизов. Я довольно в резкой форме возразил ему и назвал конкретное число жертв, а также привел количество потерпевших, получивших телесные повреждения различной степени тяжести, без вести пропавших лиц, абсолютное большинство которых опять же составляли узбеки. Привел несколько примеров особо жестоких расправ над местным узбекским населением, составлявшим большинство жителей этого города и района.

Конец спору положил Владимир Иванович, который, обращаясь к Масалиеву, сказал: «А разве Вы не знаете, что это киргизы напали на Узген и начали вырезать население?». Масалиев этого явно не ожидал, а Владимир Иванович добил его заявлением о том, что идейно-воспитательная работа среди местного населения вероятно была поставлена из рук вон плохо.

В это время в кабинет первого секретаря райкома партии, где проходило совещание, вбежал начальник местной милиции и сообщил, что, по его данным к Узгену приближается большая конная группа вооруженных киргизов. Видели бы вы Масалиева и его окружение. Подогнали БТР к черному ходу райкома для срочной эвакуации. Я был свидетелем, как Масалиев долго не мог попасть ногой в люк БТРа. А Владимир Иванович, сохраняя спокойствие, попросил присутствовавшего здесь Евневича выдвинуться с десантниками в

тот район, проверить достоверность сообщенных сведений, а нас - продолжить заслушивание. «Нападение» оказалось «уткой». Совещание продолжило свою работу, но уже без Масалиева и его окружения. Иванцов как-то пытался сгладить это обстоятельство, но все понимали в чем тут дело...

Но следует вернуться к началу моего знакомства с Владимиром Ивановичем. До этого я знал, что он работал заместителем начальника следственного управления Прокуратуры РСФСР, затем перешел на работу в Прокуратуру СССР заместителем начальника Главного следственного управления; около трех лет был прокурором Башкирии. Слышал о нем хорошие отзывы и как о прокуроре, и как о человеке, но встречаться с ним тогда лично не приходилось.

15-16 июля 1989 года в Сухуми и ряде районов Абхазии произошли массовые беспорядки на межнациональной почве между абхазами и грузинами, в ходе которых имелись убитые и раненые. Оказалось, что определенную роль в усугублении этих событий сыграли прокурор Очамчирского района Гурджия В. и некоторые сотрудники милиции этого района, которые по его приказу раздали участникам беспорядков несколько тысяч единиц изъятого ранее огнестрельного оружия, хранившегося в помещении Очамчирского отделения банка. Это привело к новым столкновениям и жертвам. С 18 июля 1989 года на всей территории республики был введен особый режим поведения граждан, введены внутренние войска МВД СССР.

По поручению Кравцева я немедленно вылетел в Абхазию для расследования обстоятельств гибели граждан в Очамчирском районе.

В тот же день мне позвонил Кравцев и поручил расследовать убийство двух военнослужащих - курсанта и слушателя Ленинградского высшего политического училища войск МВД СССР в районе села Члоу Очамчирского района. Напутствуя меня, он сказал: «Я прошу тебя прими все возможные меры к раскрытию этого убийства. Покажи, как работают важняки Прокуратуры Союза».

Причем сказано было не в приказном тоне, а чисто по-человечески. Естественно, пахали мы днем и ночью и через несколько дней это преступление было раскрыто, изъяты вещественные доказательства, в том числе орудие убийства - охотничье ружье и боеприпасы. Убийца был изобличен и подробно рассказал об обстоятельствах совершения преступления.

Спустя некоторое время у меня возник конфликт с руководством прокуратуры Грузинской ССР, суть которого состояла в следующем. Основное дело о массовых беспорядках по просьбе руководства этой союзной республики проводили под эгидой прокуратуры Грузии. Помимо следователей этой республики к расследованию были привлечены следователи из различных регионов СССР.

На одном из координационных совещаний первый заместитель прокурора республики Шошиашвили Н.Х. предъявил мне претензию, почему до сих пор не арестованы первые секретари Очамчирского райкома партии Багапш С.В. и Гудаутского райкома - Озган К.К., которых он считал «главными сепаратистами». Я прекрасно понимал, что они хотели сделать это чужими руками. Я им не подчинялся, поскольку представлял Прокуратуру СССР, поэтому в резкой форме посоветовал не лезть в мои дела, а заниматься своими и не набивать следственный изолятор случайными лицами, принимавшими участие лишь в митингах протеста, а выявлять и привлекать к уголовной ответственности убийц и истинных организаторов этих беспорядков. Что же касается Багапша, то доказательств того, что он организовал массовые беспорядки в Очамчирском районе, у меня нет. А Озган вообще никакого отношения к Очамчирскому району не имеет. Вы расследуете основное дело и, если у Вас есть доказательства их виновности, предъявляйте обвинение и избирайте соответствующую меру пресечения. Затем встал и ушел.

Шошиашвили доложил об этом прокурору республики Барабадзе А.М., который спустя несколько дней в интервью газете «Молодежь Грузии» несколько строк посвятил мне, указав, что Костарев В.Е. много на себя берет, но мы его поправим. Вскоре мне позвонил Кравцев В.И. и сообщил, что по мою душу пришла «телега» из Грузии, и он направляет одного из начальников отдела Главного следственного управления для ее проверки. Я кратко доложил ему суть проблемы и заявил, что ничего противозаконного не совершал.

По завершении проверки в Сухуми приехал Владимир Иванович. Как я и ожидал, ничего предосудительного в моих действиях обнаружено не было, «телега» оказалась обычной кляузой. В ходе совещания Владимир Иванович порекомендовал грузинским «коллегам» строить впредь со мной деловые отношения, а не заниматься кляузами. Уже потом, когда мы остались наедине с Владимиром Ивановичем, он, смеясь, сказал: «Ну ты даешь... Молодец!»

Я был благодарен ему, что он разобрался в этом вопросе. Кроме того, он открылся с другой - сугубо человеческой стороны. Он был прост в обращении, никогда не кичился своим положением, обладал хорошим чувством юмора. Никогда не повышал голоса на подчиненных, когда надо был требовательным, спуску разгильдяям не давал, но делал это очень тактично.

О себе рассказывал немного, я знал, что он родился в Челябинске в семье кадрового офицера Советской армии, мама работала бухгалтером. Оба - фронтовики, имеют боевые награды. Оказалось, что мы с ним закончили один и тот же Свердловский юридический институт.

Владимир Иванович начал свою трудовую деятельность секретарем судебного заседания в одном из судов Челябинска, поступил в Свердловский юридический институт на заочное отделение, перешел работать следователем в прокуратуру города Троицка Челябинской области. Затем - в прокуратуру Челябинской области, прошел там путь от следователя до первого заместителя прокурора Челябинской области, а оттуда - в Прокуратуру РСФСР на должность заместителя начальника следственного управления.

Часто вспоминал сослуживцев, гордился тем, что из прокуратуры Троицка вышли два заместителя Генерального прокурора - Землянушин И.С. и он. После ухода Сухарева А.Я. работал с Трубиным Н.С., которого хорошо знал по совместной работе в Прокуратуре РСФСР. Дружил с ним. В январе 1991 года он послал меня в Вильнюс организовать следственную работу по известным событиям 12 января, а после кровавых событий 20 января у здания МВД Латвийской республики - в Ригу.

Августовские события 1991 года я встретил в Риге. 24 августа Владимир Иванович отозвал меня с группой в Москву. Во второй половине дня 25 августа он позвонил мне домой и сказал: «Хватит сачковать. Утром 26 августа будь у меня на Пушкинской вместе со своей группой». Нам было поручено принять участие в расследовании уголовного дела о ГКЧП.

После распада СССР и ликвидации Прокуратуры СССР он со значительным понижением (хотя этого не заслуживал) был назначен одним из заместителей прокурора Московской области. Когда я однажды навестил его там, на Тверском бульваре, то был поражен условиями, в которых он работал. Кабинет маленький, темный, в полуподвальном помещении, чуть ли не под лестницей. Я не сдержался и высказал свое возмущение известным образом. Владимир Иванович, грустно улыбнулся и сказал: «Все проходит. Пройдет и это». Там же, в прокуратуре области, в должности начальника следственной части работал бывший прокурор Киргизской ССР Иванцов Г.И. На различных второстепенных должностях там также работали и другие сотрудники центрального аппарата Прокуратуры СССР.

Я к тому времени работал в должности следователя по особо важным делам при Генеральной прокуратуре РФ, а затем старшим следователем по особо важным делам.

К осени 1993 года сложилась такая ситуация, что я стал подумывать: «А не уйти ли мне на пенсию?». Встретившись в очередной раз с Владимиром Ивановичем, я высказал это свое намерение. Он, выслушав причины в связи, с которыми я собирался это сделать, сказал: «Не торопись, подожди одну- две недели». Как я потом понял, к этому времени, когда сняли Степанкова и Лисова, кандидатура Владимира Ивановича рассматривалась на должность заместителя Генерального прокурора РФ по следствию. Через некоторое время он получил это назначение. Вопрос о моем уходе на пенсию отпал сам собой.

В это время расследовалось уголовное дело об октябрьских событиях 1993 года в Москве. Степанкова сменил Казанник А.И., который никогда в прокуратуре не работал и не имел опыта работы в правоохранительных органах. Ему требовались помощь и опора. Вот почему понадобился опыт Владимира Ивановича. Он с головой ушел в эту работу.

23 февраля 1994 года Государственной Думой Федерального Собрания РФ первого созыва было принято постановление № 65-1 ГД «Об объявлении политической и экономической амнистии». Согласно этому постановлению были амнистированы участники ГКЧП, участники Октябрьского путча 1993 года и некоторые иные категории лиц. Буквально на следующий день после этого со мной встретился мой товарищ, который занимал одну из руководящих должностей в Лефортовском следственном изоляторе, где под стражей содержались участники октябрьского путча, и сообщил по секрету, что им был звонок от всеильного тогда Коржакова А.В., который дал команду никого из них не выпускать, несмотря на объявленную амнистию.

Я, понимая, что будет скандал, сразу же встретился с Кравцевым и сообщил ему эту новость. Вначале он мне не поверил, потому что никакой информации по этому поводу ему не поступало. На следующий день он приехал к нам, собрал руководителей направлений и сказал: «Будем исполнять закон об амнистии, несмотря на то, что это решение Госдумы не всем нравится. Закон есть закон, тем более его никто не отменил. Готовьте соответствующие постановления об этом, я лично буду их утверждать». Так все и вышло.

Казанник тоже заявил, что нарушать закон об амнистии он не будет, и подал рапорт о своей отставке. Владимир Иванович последовал его примеру. Помню его интервью в газете «Труд», где он заявил, что поступаться принципами законности он не может, поэтому тоже подал рапорт о своей отставке. Никто из заместителей Генерального прокурора РФ примеру Казанника и Кравцева не последовал. И здесь Владимир Иванович проявил свою порядочность. Он был таким всегда. Нам было жаль расставаться с ним, но его поступком мы были восхищены.

После отставки Владимир Иванович стал адвокатом. Было заметно, что он переживал свой уход, но в шутку заявлял, что наконец-то он сможет достроить свою дачу в Березках Дачных.

С уходом Владимира Ивановича не в лучшую сторону изменился и стиль работы следственных подразделений. Он обюрократился, особенно в центральном аппарате. Кравцев требовал, чтобы следователи занимались тем, что им следовало - расследованием. Он требовал от своих секретарей, чтобы следователи не тратили своего времени, ожидая пока их примут, их надо пропускать вне очереди. Чтобы получить санкцию или согласие на производство того или иного действия, не нужно было полдня тратить на визирование того или иного документа у разных лиц. Разве такого Человека можно было подставить??? Но он и умел спрашивать, мог снять «стружку» с нерадивого сотрудника. Когда было необходимо, он не боялся взять на себя ответственность за то или иное решение.

Он не старался прикрываться кем-то или чем-то. Потом пришли другие люди... Мы

продолжали с ним встречаться. Бывая в управлении по расследованию уголовных дел, он часто заглядывал ко мне, рассказывал о своих делах, интересовался ребятами, которые по тем или иным обстоятельствам ушли со следствия. Встречались и в других местах. Как-то, «обмывая» мою очередную награду в одном небольшом уютном кафе, Владимир Иванович с горечью признался: «Знаешь, я столько лет проработал в органах прокуратуры, а ни одной ведомственной награды не получил. Но ты же знаешь, я работал ни ради славы и наград». Меня это поразило, так как знал, что он всегда добивался, чтобы отличившихся в работе сотрудников прокуратуры достойно поощряли. Осадок был неприятный.

Вскоре после этого я в разговоре с ветеранами поинтересовался: «Как же так, Владимир Иванович столько лет проработал в прокуратуре, многое сделал, а ему даже спасибо не сказали?». Это их тоже удивило, пообещали разобраться. Прошло довольно продолжительное время, прежде чем было принято решение руководством Генеральной прокуратуры РФ о награждении его знаком Почетного работника прокуратуры Российской Федерации. Полагаю, что определенную роль в этом сыграли Трубин Н.С. и Серов В.Е.

Когда было принято решение о создании в Следственном комитете РФ своей ветеранской организации, лучшей кандидатуры чем В.И. Кравцев на пост ее руководителя не было. Он отказывался, ссылаясь на неожиданно возникшее заболевание, но его уговорили. Большими усилиями Владимира Ивановича и нескольких энтузиастов ветеранская организация заработала. Благодаря авторитету Кравцева, ее численный состав значительно вырос. Владимир Иванович был нашим знаменем, а это говорило о многом. Люди к нему тянулись.

16 июля 2013 года Владимиру Ивановичу исполнилось 68 лет. Он был на даче. Как обычно я позвонил ему и поздравил с днем рождения. Он рассказал, что в начале июля ездил в родной Челябинск, побывал на могилах родственников, побывал в прокуратуре Троицка, где начинал свою работу в прокуратуре, в прокуратуре Ленинского района Челябинска, которую ранее возглавлял. Встретился с ветеранами. Был в хорошем расположении духа. Как всегда, с особым вдохновением рассказывал о своей внучке. Как он ее любил! Смеясь рассказывал о ее проделках. Договорились о встрече в Москве, но не получилось...

Я тогда даже не мог предположить, что разговариваю с Владимиром Ивановичем последний раз. Где-то в конце июля - начале августа я позвонил ему. Он не ответил. Так обычно бывало, когда он копался на даче. Но потом обязательно перезванивал, но в тот раз этого не произошло. Буквально через один-два дня мне позвонили ребята и сообщили, что произошло с Владимиром Ивановичем. Ему уже сделали операцию, он находился в коме. К нему никого, кроме близких, не пускали. Жена Лидия Михайловна сообщила, что состояние его тяжелое. Мы надеялись, что он выкарабкается... Постепенно вроде бы состояние улучшилось, ему даже разрешили вставать.

Как мне потом рассказали, утром 27 сентября он встал, умылся, оделся и, поскольку до процедур оставалось время, прилег отдохнуть... А потом случилось непоправимое... Сердце не выдержало. Ему было 68 лет...

На похороны пришло много народа: родные, друзья, сослуживцы, ветераны прокуратуры и следствия, просто знакомые. Приехали делегации из родного Челябинска, Башкирии, близлежащих областей. На траурных мероприятиях особо запомнились выступления Бастрыкина А.И. и Трубина Н.С. Горечь утраты была понятна. Запомнилось и то, что проводить в последний путь Владимира Ивановича не пришел ни один из высших руководителей Генеральной прокуратуры России. Наверное, у них были важные дела ...

Во время гражданской панихиды возникла идея учредить в память Владимира Ивановича медаль его имени. Александр Иванович Бастрыкин поддержал эту идею. В годовщину смерти

Владимира Ивановича медаль Кравцева стала реальностью. Она была изготовлена по эскизу нашего коллеги Шкрябача С.Я. Владимир Иванович часто говорил, что хорошие следователи - это штучный товар. Хотелось бы, чтобы его медалью награждались только достойные люди. Кравцев оставил о себе хорошую память, многие из нас будут с благодарностью вспоминать о нем и как о заместителе Генерального прокурора, коллеге, и прежде всего, как о человеке.

В этом году 16 июля Владимиру Ивановичу исполнилось бы 70. Верю, что мы- ветераны, соберемся и будем вспоминать его с теплотой и грустью. Ведь нам его так не хватает...

Ветеран следствия Валерий Костарев

Человек долга и чести

Тяжелейшие травмы Владимира Ивановича Кравцева, а затем его смерть стали для меня, моей семьи трагедией. Поначалу не хотелось верить, что близкий нам человек, которому еще жить да жить, может умереть от нелепого падения. Но оптимизма поубавилось, когда мы с Лекановым Ю.И. организовали его экстренный перевод из солнечногорской больницы в Институт нейрохирургии им. Бурденко. Здесь его жена, Лидия Михайловна, получила медицинскую справку с ужасными диагнозами, каждый из них мог стать для нашего товарища смертельным. Мы надеялись, молили Бога, однако чуда не произошло. Не стало дорогого для семьи и близких человека, во всех отношениях порядочного, доброжелательного и сердечного, готового помочь, дать совет, поддержать в трудную минуту.

Кравцев В. И. был крупной личностью в прокурорской системе Советского Союза, а затем новой России. Его биография богата яркими делами, примерами стойкости и принципиальности в отстаивании прав и свобод граждан, общественных интересов. Почти 30 лет в прокуратуре он отдал служению Закону. И большая часть профессиональной жизни Кравцева посвящена следствию - самому тяжелому, благородному и престижному из направлений правоохранительной деятельности. Он говорил: «Чтобы действительно стать прокурором, надо обязательно самому знать следственную работу, уметь «раскрутить» любое дело¹. Благодаря своему высокому профессионализму, таланту, постоянной самоотдаче в работе он добился впечатляющих успехов, пройдя путь от следователя городской прокуратуры в Челябинской области до заместителя Генерального прокурора СССР по следствию.

Лицо, занимающее эту должность, должно обладать особыми личными и профессиональными качествами и очевидным иммунитетом от всякого давления, влияющего на принимаемые решения. И Владимир Иванович был наделен такими качествами. Его деятельность на рубеже 80-90 годов прошлого века осуществлялась в условиях серьезного кризиса законности в обществе, острой политической борьбы и невиданного всплеска преступности. Но где бы он ни трудился, какие бы посты ни занимал, во всех своих делах и поступках Кравцев В.И. неизменно руководствовался святыми для настоящего юриста понятиями - Законом и Справедливостью. После развала СССР и ликвидации прокуратуры СССР он вынужденно перешел на нижестоящую должность. Но в крайне тяжелой ситуации в государстве в октябре 1993 г. был востребован руководством страны и призван на службу заместителем Генерального прокурора России, также ведающего следствием. Это единственный случай, когда один и тот же человек становился

¹ Демократия и законность. Уфа //Ленинец 1987. №44

сначала заместителем Генерального прокурора СССР, а затем России. Очевидно, это произошло благодаря уважению к его профессиональному опыту, государственному масштабу мышления и умению решать самые сложные проблемы. Но парадокс в том, что он не оправдал надежд властей предрежащих: не стал послушным и управляемым, а в трудной ситуации противостояния политических сил взял на себя ответственность и согласно Акту об амнистии освободил из-под стражи и прекратил уголовные дела на неугодных режиму людей. И за это поплатился работой.

Будучи на пенсии, Владимир Иванович стал бессменным председателем региональной общественной организации «Союз ветеранов следствия» при Следственном комитете Российской Федерации. Он также активно участвовал в работе ветеранской организации прокуратуры.

Природная скромность помешала ему написать мемуары, оставить подробные воспоминания (за исключением небольшой статьи о челябинском периоде жизни), которые бы поведали много интересного и поучительного всем нам, старым и молодым прокурорам и следователям, и просто гражданам страны. И можно только приветствовать инициативу членов «Союза ветеранов следствия» о подготовке книги о нем в преддверии его 70-летнего юбилея.

Карьерный рост студента-заочника Кравцева начался в 1965 году с должности следователя прокуратуры г. Троицка Челябинской области. Там он делал первые шаги, постигал азы работы. Пытливость ума, творческие искания и находки молодого сотрудника, успешное расследование ряда дел были замечены «наверху», и его повысили до старшего следователя облпрокуратуры. Затем он набирался прокурорского опыта, постепенно продвигаясь по службе, и в результате достиг высокой должности первого заместителя прокурора области. Владимир Иванович очень тепло отзывался о тех годах и с большой симпатией вспоминал своих учителей, сослуживцев за доброту, помощь и поддержку, за все то внимание, которое помогло ему стать настоящим прокурором. Среди своих наставников он особо выделял прокурора области Киселева М.Г., известного в прокурорской среде человека.

Несмотря на молодость, сам. Кравцев В.И. уже тогда имел высокий авторитет, его уважали за скромность и порядочность, душевную щедрость, умение сплотить вокруг себя коллег для решения поставленных задач. Он многим помогал устраивать личную жизнь, наладить быт, воспитывать детей, за что сотрудники ему были благодарны.

Вот, например, как характеризуют Кравцева В.И. в его бытность прокурором Ленинского района г. Челябинска подчиненные. Жукова Р.Н.: «Кравцев - это человек-глыба. Таких людей надо направлять преподавать во все юридические вузы, столько у них знаний, столько выдержки и мудрости. Глядя на них, говорят, что за Отчизну не стыдно. Он и внешне статный, высокий, приходит на процесс, сразу видно - прокурор пришел. Работоспособностью отличался необыкновенной. Какие только для нас не “выбивал” путевки - в пионерские лагеря, дома отдыха. Коллектив наш любил его очень. Думаю, он заслуженно так высоко взлетел»².

Селиванова В.К.: «В. И. Кравцев - наша легенда. Красивый, на актера С. Бондарчука похож, все так говорили. Отдавал себя работе беззаветно. Такая энергия, поразительная ответственность в нем была. Трудились мы по субботам, как будто в обычный рабочий день. И это не было тяжело, а как само собой разумеющееся»³. В 1981 году Кравцев В. И.

2 На службе у закона. Правоохранительные органы Ленинского района г. Челябинска. Исторический очерк, воспоминания. Челябинск, 2011. С. 106.

3 Там же. С. 110.

был переведен в прокуратуру РСФСР заместителем начальника следственного управления, где прослужил три года. Добросовестная и инициативная работа Владимира Ивановича была замечена руководством прокуратуры СССР. Толковый специалист обратил на себя внимание твердым характером, огромной работоспособностью, обостренным чувством ответственности, умением спокойно, без лишнего шума решать важнейшие вопросы.

Как результат, в 1984 году его назначили сначала заместителем начальника управления кадров прокуратуры

СССР, а через несколько месяцев - заместителем, потом первым заместителем начальника Главного следственного управления прокуратуры СССР. Вот тогда, 30 лет назад, судьба свела меня с ним. В ноябре 1984 году Кравцев В.И., с которым я не был знаком, позвонил мне в Иркутск и от имени руководства предложил перевод на работу заместителем начальника Главного следственного управления прокуратуры СССР. В то время я был заместителем прокурора области - начальником следственного управления, состоял в резерве прокуратуры РСФСР на выдвижение прокурором области, имел еще несколько предложений. Владимир Иванович сказал, что знает об этих предложениях, но советует мне согласиться на переезд в Москву. Учитывалось то, что все 14 лет в прокуратуре я занимался следствием.

Так, в феврале 1985 года я был назначен на указанную должность и переехал в столицу, где и состоялось наше личное знакомство, которое произвело самое приятное впечатление. Подкупали его искренняя доброжелательность, простота в общении, оптимистичные нотки при обсуждении моей предстоящей работы, требующей от меня особого внимания, освоения специфики надзорной и управленческой деятельности. Об этом я, естественно, беспокоился и переживал. На первых порах Кравцев В.И. часто помогал мне дельными советами и по службе, и по устройству в быту, за что я был ему очень признателен. Владимир Иванович руководил прокуратурами краев, областей и автономных республик России, а я - прокуратурами Средней Азии и Казахстана. При необходимости мы подменяли друг друга.

Тесное общение по работе и вне ее, общие заботы постепенно сближали нас. Мы были единомышленниками, вели на личные темы доверительные разговоры, обсуждали проблемы политики, правопорядка и законности в стране. Нас объединяло и то, что мы оба были молоды: ему было 40, а мне 38 лет. В главке мы были самыми молодыми руководителями. Главное следственное управление тогда возглавлял заместитель Генерального прокурора СССР Сорока О.В. У него было шесть заместителей: Кравцев В.И., Негода Г.М., Каракозов Г.П., Ненашев В.И., Цыганова А.А. и я. Наше подразделение считалось элитным. В нем всегда трудилось много высокопрофессиональных специалистов, а следственная работа среди сотрудников аппарата особо почиталась. Запомнилось образное выражение Генерального прокурора СССР Рекункова А.М.:

«Общий надзор, - говорил он, - это разведка, а следствие - тяжелая артиллерия, без него больших побед не добиться».

В те годы к руководству страной пришел Горбачев М.С., объявивший новый курс в развитии государства. Повсюду стали обсуждаться вопросы реформ, перестройки и гласности. Конечно, перемены не обошли стороной и прокуратуру. Началась соответствующая корректировка стиля и методов прокурорской деятельности. Упор делался на усиление борьбы с преступностью, взяточничеством должностных лиц, активизацию прокурорского надзора в социальной сфере, охрану прав граждан. Стали обновляться приказы и указания Генерального прокурора СССР, что потребовало от руководства главка немалых усилий по их подготовке. Наши предложения тщательно обсуждались сначала на совещаниях у Кравцева В.И., а потом докладывались им руководству прокуратуры СССР. И он успешно справлялся с этими задачами, показывая знания, аналитический ум, организаторские способности. Отмечу интересные и

содержательные доклады Владимира Ивановича на коллегиях прокуратуры СССР и координационных совещаниях руководителей правоохранительных органов страны по результатам выездов с проверками на места. В них излагались точные факты, звучали четкие формулировки и веские аргументы, налицо было умение держаться в серьезной аудитории. При этом в повседневной жизни он не был подвержен «звездной болезни», чванству и высокомерию, наоборот, проявлял коммуникабельность и был внимателен к людям. Не скажу, что он был добряком или спокойно сдержанным человеком — он мог проявить и строгость, сталкиваясь с вопиющим непрофессионализмом. Но все это происходило по делу и разумно. За создание делового настроя в коллективе его одинаково уважали как подчиненные, так и руководители прокуратуры.

С учетом профессиональных и личных качеств Владимир Иванович входил в число претендентов на должность заместителя Генерального прокурора СССР, но он не был прокурором, как бы сейчас назвали, субъекта Федерации, а по существовавшей тогда практике без этого выдвижение было невозможно. И в мае 1986 года Кравцев назначается прокурором Башкирии, чему он был рад.

«В прошлом году предложили поехать в Башкирию, это совпало и с моим желанием. Когда работал в аппарате в Москве, полного удовлетворения не испытывал - слишком много бумажных дел. А тут... Есть на чем проверить свои силы»⁴, - говорил он в одном интервью.

Прокуратура Башкирской АССР в то время была на хорошем счету, ее девять лет возглавлял уважаемый и известный в стране прокурор Филатов И.Т. Но Кравцев В.И. сумел привнести в деятельность этой прокуратуры и ее органов немало новизны, организованности, повысить эффективность надзора по ряду направлений.

Он много внимания уделял улучшению работы городских и районных прокуратур - основного звена прокурорской системы. Об этом сужу по личным впечатлениям от командировки в те годы в республику, а также по беседам с ветеранами прокуратуры во время моей работы заместителем Генерального прокурора РФ в Приволжском федеральном округе.

Вот отдельные воспоминания сослуживцев Владимира Ивановича. Султанов Р. председатель Совета Башкирского регионального отделения ветеранов и пенсионеров прокуратуры: «Кравцев начал с того, что познакомился персонально с каждым членом коллектива. Приглашал к себе и долго, обстоятельно беседовал. Для него не существовало мелочей, и он не делил людей на “важных” и “второстепенных”. Большое внимание уделял законности привлечения граждан к уголовной ответственности. Благодаря его основательности и вмешательству были отменены приговоры судов по ряду уголовных дел, а осужденные реабилитированы за убийства, тяжкие телесные повреждения и другие преступления. Хотя ранее по их жалобам работниками прокуратуры отказывалось в удовлетворении. Кравцев всегда стоял на защите закона, невзирая на лица. Его не смущали ни должности, ни связи фигурантов. Мы с большим сожалением проводили его в Москву»⁵.

Байков Ф.Г., прокурор Республики Башкортостан в 2002-2003 годах: «Кравцев В.И. - прокурор широчайшей эрудиции, острого ума, с редким чувством перспективы. Закономерно, что недолго ему пришлось руководить нашей прокуратурой. Человеку с его потенциалом было тесно в рамках республики»⁶. Работа в Башкирии многое дала Владимиру Ивановичу: он стал мудрее и профессиональнее, углубил свой, как говорится, «умственный багаж», сильнее прочувствовал проблемы прокурорского надзора и следствия.

⁴ См. Демократия и законность // Ленинец.1987. №44

⁵ Прохорова Н. Неудобный прокурор // Республика Башкортостан. 2013. №214

⁶ Прокуратура Республики Башкортостан на страже закона. Уфа, 2007. С.31

Он проработал здесь ровно три года и в мае 1989 года был назначен заместителем Генерального прокурора СССР - начальником Главного управления по надзору за следствием и дознанием. Это было лихое время: в стране нарастала глобально-кризисная ситуация, как на дрожжах росла преступность, положение с которой становилось критическим. В тот год она увеличилась на треть - почти на 600 тысяч; на 5 тысяч, или на 49 процентов, стало больше зарегистрированных умышленных убийств. Преступность становилась все более дерзкой, вооруженной, отчетливо проявлялись ее организованность, профессионализм, значительно расширялась сфера криминального влияния в экономической и политической деятельности общества.

На рубеже 80-90 годов XX века в союзных республиках явно вызревали сепаратистские настроения, набирали силу массовые протестные акции, подрывавшие единство законности. Положение усугублялось кровавыми межнациональными конфликтами, проходившими в Сумгаите, Нагорном Карабахе, Молдавии, Оше, Тбилиси, Прибалтике и других местах. Естественно, органы прокуратуры находились в эпицентре этих событий.

От Генерального прокурора СССР Сухарева А.Я. и его заместителей требовалось принятие энергичных и адекватных мер по «тушению этих пожаров», организации расследований уголовных дел о массовых беспорядках и многочисленных убийствах, выявлению и наказанию зачинщиков, других виновных в преступлениях. Количество проблем, вставших перед правоохранителями, следственными органами во главе с Кравцевым В.И., зашкаливало. А времени на раскачку не было, и он с головой погрузился в этот бездонный поток, мобилизовав свой опыт и знания.

В тот период действовало много следственно-оперативных групп, возглавляемых «важняками» прокуратуры СССР, в состав которых входили десятки, а то и сотни следователей и оперативных сотрудников разных ведомств. Они расследовали тысячи преступных деяний. Для успешной работы по этим делам, доведения их до логического конца - торжества правосудия и справедливости - требовались отточенное профессиональное мастерство следователей и оперативников, их высокие моральные качества, в первую очередь беззаветная преданность делу и настоящее гражданское мужество. И Владимир Иванович должен был не только четко знать, чем они занимаются, но и направлять следствие в нужное русло. Это был адский труд.

Наряду с ежедневной «текучкой», связанной с рассмотрением жалоб и заявлений граждан, обращений депутатов, ходатайств о продлении сроков следствия и содержания под стражей обвиняемых и многого Другого, он регулярно проводил слушания уголовных дел, которые нередко заканчивались к полуночи. Но итогом всегда была конкретность и контролируемость принимаемых Решений. На многих таких совещаниях речь шла об искусстве Расследования, которое означало качественное, искусное ведение дела, а не сухое выполнение требований уголовно- процессуального закона. Хотя и этой стороне дела уделялось большое внимание, выявлялись нарушения при расследовании, Досадные промахи и ошибки, а также факты откровенной торговли честью мундира и прямого предательства.

Всем подчиненным Кравцева В.И. было нелегко, однако ему приходилось особенно трудно. Но он терпел, старался не показывать вида, не позволял эмоциям взять верх над разумом. И каждый его рабочий день - это предельное напряжение сил, высокая личная ответственность.

Как раз тогда было принято решение о создании в структуре Главного управления отдела по надзору за расследованием особо важных дел - того требовала обстановка и необходимость постоянного и объективного прокурорского надзора. Начальником отдела и одновременно заместителем начальника главка стал я. Конечно, несколько сотрудников отдела не могли справиться с осуществлением непосредственного прокурорского надзора за сотнями уголовных дел. Поэтому в регионах, где проходило следствие, для этого

создавались группы прокуроров, привлеченных из нижестоящих прокуратур, во главе с сотрудниками нашего отдела.

Из общения с Кравцевым В.И. становилось ясно, что он не просто профессионал, не склонный рубить с плеча, а специалист, привыкший семь раз отмерить, прежде чем один раз отрезать. Он умел из всех возможных зол выбирать наименьшее, и тому было немало примеров. Опытный «важняк» заканчивал расследование уголовного дела в отношении серийного убийцы, называемого в прессе «Джеком-потрошителем». При изучении уголовного дела в нашем отделе оказалось, что по двум из пяти убийств доказательств вины обвиняемого недостаточно и возможности для их собирания исчерпаны. Следовательно было предложено прекратить уголовное преследование фигуранта, поскольку при рассмотрении дела в суде оно могло быть возвращено на доследование либо подсудимый по данным эпизодам мог быть оправдан. В любом случае это был бы удар по имиджу прокуратуры СССР. Но следователь не соглашался с нашим мнением, шумел, а потом пошел к Кравцеву В.И. и потребовал от него утвердить обвинительное заключение. Владимир Иванович сначала колебался - уж очень был уважаемый и напористый следователь! Но всесторонне обсудив дело, принял наше решение. И в Мосгорсуде был вынесен законный и обоснованный приговор.

Кравцев В.И. проявил себя как человек чести и совести в пресечении нарушений законности по уголовным делам, расследуемым в Узбекистане большой группой во главе со следователем по особо важным делам прокуратуры СССР Гдляном Т.Х., творцом так называемого «кремлевского дела». Несмотря на то что в первые годы работы в республике следователи сделали немало полезного в разоблачении взяточников и казнокрадов, в том числе занимавших высокие посты в партийном и государственном аппаратах, гдлянская эпопея стала большим пятном и тяжелым испытанием для всей прокурорской системы. Опасность «гдляновщины» была не только в том, что более ста человек при использовании грубых, nepoзвoлитeльных методов следствия были незаконно привлечены к уголовной ответственности и арестованы, но и в том, что в незаконных действиях участвовали многие прикомандированные следователи и оперативные сотрудники со всей страны. И после их возвращения на прежние места службы ржавчина и извращения, порожденные Гдляном и его последователями, могли глубоко проникнуть во всю правоохранительную среду, отбросив нас далеко назад, в трагическое прошлое.

Чувствуя свою безнаказанность, очевидный карьерист и тщеславный по натуре Гдлян разными противоправными методами добивался от находившихся под стражей обвиняемых признаний о якобы передаче ими взяток видным государственным деятелям, в том числе отдельным секретарям ЦК КПСС, бывшему Генеральному прокурору СССР Рекункову А.М. Как тогда говорили, Гдлян «пошел приступом на Кремль». Поскольку должных мер к пресечению беззакония со стороны группы Гдляна прежним руководством Прокуратуры СССР не принималось, а поток жалоб и других сигналов резко увеличивался, новым Генеральным прокурором СССР Сухаревым А.Я., его заместителем Кравцевым В.И. и вновь назначенными руководителями следственной части Сбоевым А.В. и Галкиным В.С. и другими прокурорско- следственными работниками был основательно и всесторонне проверен весь негатив, связанный с работой Гдляна. В результате подтвердились многие факты, о которых сообщалось раньше, и были выявлены новые нарушения. Проведение глубоких проверок, дополнительного следствия, объективный и всесторонний анализ ранее собранных доказательств дали возможность прийти к законным и обоснованным решениям о невиновности многих фигурантов уголовных дел, в том числе государственных деятелей, ошельмованных усилиями Гдляна и его подчиненных. За грубое нарушение законности он и его ближайший помощник, следователь Иванов Н.В. были уволены из прокуратуры СССР, против них было возбуждено уголовное дело.

Нашему отделу было поручено подготовить коллегия прокуратуры СССР о неудовлетворительном прокурорском надзоре за расследованием дел данной группой. Тогда нам пришлось пересмотреть массу уголовных дел, а также выделенных из них материалов об арестах граждан, которые прятались следователями, как говорилось на их сленге, «в яме». Были выявлены более ста человек, которые незаконно содержались под стражей от нескольких недель до девяти месяцев. Среди них жены обвиняемых, дети, другие их родственники и знакомые. От них требовали «нужные» показания и вымогали ценности, им угрожали, а некоторых били.

Полковник Хаджимуратов оставил предсмертную записку, в которой указал, что больше не может терпеть побоев и унижения. Шестеро подследственных умерли, столько же покончили жизнь самоубийством, причем некоторые обстоятельства были весьма странными (так, секретарь обкома Гаипов нанес себе 17 ножевых ранений, а заместитель министра внутренних дел Давыдов застрелился, по официальной версии, тремя выстрелами из пистолета в голову)⁷. По всем нарушениям законности были составлены заключения, которые проверили Кравцев В.И. и другие заместители Генерального прокурора СССР и утвердили их.

Несмотря на большую нагрузку и необходимость ежечасного решения многих проблем, Владимир Иванович не отгораживался от сотрудников, к нему свободно можно было заходить и задавать вопросы, касающиеся не только служебной, но и повседневной жизни. Он нередко выезжал в командировки и на местах умело руководил расследованием крупных дел. Не ошибусь, если скажу, что одним из самых страшных событий, в организации расследования которых Кравцев принимал участие, был взрыв в Башкирии на железной дороге двух поездов Новосибирск - Адлер и Адлер - Новосибирск во время встречного их прохождения в июне 1989 г. Вторым ужасным происшествием ровно через год стала ошская резня на почве национальной неприязни между узбеками и киргизами, в основе которой был раздел земельных участков.

Практически сразу Кравцев В.И. возглавил следствие по железнодорожной катастрофе под Уфой. Авария на трубопроводе и взрыв газа, унесли жизни более 550 человек, из которых 150 были дети и подростки. Примерно половина погибших сгорели заживо, 600 человек получили повреждения различной тяжести. Следственную бригаду в количестве трехсот следователей комплектовали быстро, снимая слушателей с занятий в институтах повышения квалификации разных городов страны. Они были расставлены по подгруппам, каждая из которых занималась определенным направлением расследования. Их возглавляли ответственные работники прокуратуры: заместитель прокурора РСФСР Землянушин И.С., его заместитель Леканов Ю.И., заместители прокурора Башкирской АССР и др. Я руководил штабом, куда стекалась вся необходимая для дальнейшего планирования работы информация и она анализировалась, самое важное ежедневно докладывалось Кравцевым В.И. правительственной комиссии, созданной Советом Министров СССР. Он регулярно заслушивал руководителей подгрупп, по результатам вносились коррективы в работу. В первые дни после трагедии в Уфу прибыло так много родственников пострадавших, что их едва вмещал многотысячный зал Дворца культуры.

Столько людского горя и слез, наверное, никому еще не приходилось видеть. Было крайне необходимо как можно быстрее установить личности погибших, чтобы их родственники могли забрать останки или получить урны с прахом сгоревших, свидетельства о смерти, произвести страховые выплаты и выплаты за проезд и провоз багажа.

7 А. Я. Сухарев «По зову правды» Изд-во «Кварта» Воронеж, 2011 г.

Основным препятствием для подтверждения того, что люди находились в поездах, было то обстоятельство, что железнодорожные билеты продавались без указания фамилий пассажиров. Приходилось оперативно находить и допрашивать с помощью сотрудников территориальных органов прокуратуры, милиции, КГБ по ходу движения поездов свидетелей, которые могли бы напрямую или косвенно подтвердить, что тот или иной человек в них садился.

Помогали нам в этом допросы выживших лиц и опознание вещей и документов, обнаруженных на месте происшествия. И только тогда штаб выдавал соответствующую справку, которая являлась основным документом для присутствующих здесь же представителей загса и других органов. Мы делали все возможное, чтобы ускорить проверки. Бывало, я и члены штаба сутками не спали. И время показало: наши действия были единственно правильными. Но, естественно, нас торопили. Люди высказывали немало недовольства промедлением на встречах во Дворце культуры с членами правительственной комиссии, в которых участвовал и Кравцев В.И.

Он, как и все, тяжело переживал эту трагедию и с понимаем, большой выдержкой и тактом выступал перед собравшимися, как мог их успокаивал. Через некоторое время я передал все материалы штаба прибывшему следователю по особо важным делам прокуратуры СССР Лысейко В.А., который затем расследовал данное дело и направил его в суд.

В ходе ошской трагедии в Киргизии разъяренные толпы в ряде городов и районов в течение недели учиняли массовые беспорядки, сопровождавшиеся погромами, поджогами домов, общественного и индивидуального транспорта. Особенно тяжелое положение сложилось в Узгенском районе. Всего при погромах было совершено свыше 10 тысяч преступлений. Уничтожались целые кварталы. Разбойные нападения и изуверская резня стали причиной более 350 умышленных убийств. Кровавое пролитие удалось остановить только с вводом войск.

Я работал на местах и участвовал вместе с Кравцевым В.И. в организации расследований и осуществлении прокурорского надзора. В городах Оше и Узгене к расследованию были привлечены около трехсот следователей, сотни розыскников, экспертов, которые трудились день и ночь. Прокуратура СССР, следователи по особо важным делам Калинин В.И., Костырев В.Е., Чуглазов Г.Т. и другие приложили невероятные усилия, чтобы во всем разобраться.

Кравцев В.И. помогал следователям в планировании следствия, комплектации следственных бригад, розыске преступников, через местные органы решал вопросы питания, жилья для членов следственно-оперативных групп. Его открытость, отзывчивость помогали всем легче переносить тяготы бытия. К уголовной ответственности тогда были привлечены около трехсот человек, и судом преступники были осуждены.

О том, что Кравцев В.И. - патриот Отечества, настоящий законник, еще раз все могли убедиться в сложной, даже критической ситуации, связанной с выполнением постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 23 февраля 1994 года «Об объявлении политической и экономической амнистии».

Данная амнистия была крайне нежелательным актом для Президента Ельцина Б.Н. По ней подлежали освобождению из-под стражи и прекращению уголовного преследования все причастные к противостоянию между Хасбулатовым Р.И., Руцким А.В. и их сторонниками с одной стороны, и Президентом РФ и его командой - с другой в период сентября-октября 1993 года, когда обстрелу подвергся Белый дом.

А перед этим Ельцин Б.Н. издал приснопамятный Указ № 1400, которым растоптал

право, правовые предписания. В части освобождения указанных лиц, а также членов ГКЧП амнистия подлежала исполнению немедленно. Сразу же после ее принятия окружение Президента РФ предприняло мозговой штурм, выискивая несоответствия акта хоть какому-нибудь закону, готовились письма и обращения, уламывались сомневающиеся.

И никто не ожидал, что исход дела решит прокурор Кравцев В.И. Генеральный прокурор России Казанник А.Н. ушел в отставку не в силах противостоять давлению Ельцина Б.Н., категорично приказавшего ему затормозить реализацию амнистии. Но, Кравцев В.И., следуя своим жизненным принципам, не побоявшись взять на себя ответственность, скомандовал следователям подготовить соответствующие документы, которые тоже подписал. Так, через сутки «октябристы» оказались на свободе.

Будь на месте Кравцева В.И. менее решительный прокурор, промедление с исполнением амнистии могло привести к новому противостоянию политических сил и сильному социальному напряжению в обществе. Но власть не простила Кравцеву В.И. его поступка. Какое-то время его еще терпели в прокуратуре, а в мае 1994 года Указом Президента РФ он был освобожден от своих обязанностей «в связи с переходом на другую работу». Однако никакой другой работы ему не предложили, и он в свои неполные 49 лет ушел из прокуратуры на пенсию по выслуге лет. Таким образом, прокурорская система освободилась от достойного гражданина Отечества, своего воспитанника, верного закону и служебному долгу.

Завершая свое повествование, подчеркну, что Владимир Иванович никогда не позволял окружающим усомниться в своей глубокой порядочности, безупречности исполнения служебных обязанностей. В нем гармонично сочетались магнетизм профессионализма и простое обаяние. Он искренне уважал товарищей и друзей, ценил добрую шутку, поддерживал теплое и доверительное человеческое общение. Как заразительно он смеялся, увлекая хорошим настроением других! Вспоминаются наши добрые семейные встречи. Зачастую в них участвовали Валентина и Юрий Саи, Тамара и Александр Соколовы - соседи и друзья Кравцевых. Желаю им здоровья и долголетия! Но не забыть и грустных застолий, когда уходили в мир иной близкие нам люди. Отдельно подчеркну уважительное отношение Владимира Ивановича к старшему поколению.

Особое почтение он проявлял к ветеранам Великой Отечественной войны и труженикам тыла. Он никогда не скрывал своей любви к тем, кто ковал нашу Великую Победу. Уверен, что это было у него в генах, ведь он родился вскоре после Победы и его покойные родители были активными участниками священной войны. Он так высоко ценил своих родителей, что многие черты его характера формировались как раз под их влиянием. Мы с женой неоднократно встречались с его мамой - Зоей Васильевной, не по годам энергичной, сильной и заботливой женщиной, всегда старавшейся во всем помочь семье сына, проявить внимательность к его товарищам. Мне очень импонировало отношение Владимира Ивановича к моей теще: он ласково называл ее «мама Шура». Всю войну для нужд фронта она валила лес и сплавляла его по реке. Приходя к нам домой, он приносил ей и внукам гостинцы, вручал их шумно, с прибаутками. Оба любили покурить, и было трогательно наблюдать за их живыми, неформальными беседами.

Владимир Иванович проявлял большую заботу о ветеранах своей организации, словом и делом поддерживал их, помогал в лечении, в житейских вопросах, добивался награждения государственными и ведомственными наградами. Он так долго и увлеченно мог рассказывать мне об общественной работе, что порой его трудно было остановить. Такой уж он был жизнелюб и душевный человек. Не хочу идеализировать и чрезмерно восхвалять Кравцева В.И., нет «безошибочных» людей, разве только среди «небожителей». Но его образцовое служение Закону и верность долгу, талант и сердечность, забота о людях - близких и дальних, вера в дружбу являются образцом служения Отечеству для новых поколений следователей и прокуроров.

Я и моя семья благодарим судьбу за то, что в свое время она подарила нам знакомство, а потом и дружбу с Владимиром Ивановичем, его замечательной супругой Лидией Михайловной, прекрасной дочерью Натальей Владимировной, родителями и близкими. Он сильно любил свою семью, обожал многочисленных родственников, заботился и помогал им. Его хлебом не корми - дай только поговорить о долгожданной внучке Ксюше, к которой он не скрывал огромной любви.

Конечно, с большой теплотой вспоминаешь совместную работу и время, проведенное с Владимиром Ивановичем. Увы, грустно и тяжело от того, что уже ничего не вернешь. Но он всегда будет жить в нашей памяти.

*Заместитель председателя Совета общероссийской
общественной организации ветеранов и пенсионеров
прокуратуры,
заслуженный юрист Российской Федерации,
заслуженный работник прокуратуры Российской
Федерации,
доктор юридических наук, государственный советник
юстиции 1-го класса
С. И. Герасимов*

Слово о старшем товарище

В ноябре 1984 года был решен вопрос о переводе меня из прокуратуры Кировской области на должность следователя по особо важным делам при Прокуроре РСФСР.

Закончив и сдав все дела, я ушел в отпуск. Примерно за неделю до выхода на работу в декабре, вечером, стук в дверь - это был нарочно (мобильных телефонов тогда не было, а с домашними были сложности). От него я получил указание быть на работе. Там я узнал, что меня срочно вызывают в Москву к заместителю начальника Главного следственного управления Прокуратуры СССР Кравцеву В.И. Вместе с тем, по указанию своего руководства, в Москве я обратился к заместителю прокурора РСФСР Наместникову Б.П. Борис Петрович дал команду выяснить цель моего приезда. Оказалось, что мне надо связаться с Инспекторским управлением МВД СССР, а на следующий день утром быть у Кравцева В.И.

В МВД я познакомился с инспектором по особо важным делам подполковником внутренней службы Сванидзе В., который проинформировал меня, что мы будем заниматься реализацией материалов о нарушении законности в УВД Астраханского облисполкома.

Утром 14 декабря 1984 года мы со Сванидзе прибыли в Прокуратуру СССР на улице Пушкинской, 15. Поплутав по зданию, пришли в закуток, где в небольшом кабинете нас встретил Кравцев В.И. (Позднее в этом кабинете работали и другие руководители, в том числе Илюхин В.И., Чуглазов Г.Т.).

Владимир Иванович, видимо, имел обо мне информацию. Как оказалось, мы с ним земляки с Урала: он - челябинец, я - свердловчанин. В разное время окончили Свердловский юридический институт. Но на тот момент я даже не осознавал, что по возрасту у нас разница всего в четыре года. Он был руководитель союзного масштаба. В регионах к нему и к

сотрудникам прокуратуры СССР относились с какой-то уважительной боязнью.

После приветствий Сванидзе конфиденциально сообщил, что накануне застрелился Министр внутренних дел СССР Щелоков Н.А. Ни я, ни Кравцев об этом на тот момент не знали. Получив указание, я принял дело по Астраханскому УВД к Производству, 9 января 1985 года был назначен на должность следователя по особо важным делам при прокуроре РСФСР.

Расследование этого дела неоднократно обсуждалось у Владимира Ивановича. Он во всем поддерживал меня, давал советы, указывал на недостатки.

Под его же руководством в 1986 году я начинал расследование уголовного дела по нарушению законности в прокуратуре Северо-Осетинской ССР.

5 октября 1993 года утром начальник следственного управления Феткулин В.Х. дал команду мне и Бакину Е.А. (следователю по особо важным делам) выехать к Дому Правительства РФ и организовать там его осмотр. Вернувшись вечером по месту работы, мы узнали, что отстранены от должности Генеральный прокурор РФ Степанков В.Г. и его заместитель Лисов Е.К.

Вместо Лисова заместителем Генерального прокурора РФ по следствию был назначен Кравцев В.И. Так мы снова стали работать в одной упряжке. Я возглавил группу по осмотру Белого дома.

Но, еще до всех этих событий, мы - трое следователей по особо важным делам при Генеральном прокуроре РФ Добрынин А.М., Паршиков В.И., и я в июле 1992 года закончили расследование уголовного дела по бандам Трифонова и Овчинникова в Свердловской области. В СИЗО под стражей содержались 22 обвиняемых, которые уже больше года знакомились с материалами дела (по УПК в то время это было возможно).

Обсуждая ход ознакомления, мы предложили надзирающему за делом прокурору Колесникову А.Т. поставить вопрос об активизации ознакомления.

Когда Колесников пришел к Кравцеву с соответствующей докладной запиской, Владимир Иванович задал ему вопрос, кого из следователей направить в Екатеринбург, и сам же ответил: «Наверное, Данилов домой хочет съездить». О чем и написал резолюцию на представленном документе. Так, с легкой руки Владимира Ивановича, продолжилась моя работа по делам в Свердловской области. И только в декабре 1996 года, уже заместитель Генерального прокурора РФ Катышев М.Б. скажет, что моя «уральская эпопея» закончилась. Но это уже другая история.

В дальнейшем мы продолжали поддерживать дружеские отношения с Владимиром Ивановичем. А когда он возглавил «Союз ветеранов следствия», я и обрадовался, и ощутил гордость: «Уралец дров не наломает!».

*Член Совета
«Союза ветеранов следствия»
Владимир Данилов*

Первая встреча...

Моя первая встреча с Владимиром Ивановичем состоялась, если мне не изменяет память, в 1990 году: истекал срок следствия по уголовному делу, которое мне передали в производство, а оно расследовалось уже больше года. Нужно было докладывать дело в Генеральной прокуратуре...

Готовясь к докладу, я «собрал информацию» и о заместителе Генерального прокурора, к которому предстояло попасть в кабинет. К тому времени он работал в должности около года, и получить информацию особого труда не составило.

Услышанное - а оно сводилось к чеканному: «Строг, но справедлив», - обнадеживало. Дело было интересное, представление о том, куда нужно направлять ход расследования, у меня сложилось, так что всё вроде бы было готово. Одно волновало - опыта доклада руководителям такого высокого уровня у меня еще не было...

Доклад мой Владимир Иванович выслушал, не перебивая, только задумчиво вертел в руках очки. Доложил я гладко, без запинок и срывов, и надеялся на скорое завершение «аудиенции». И тут Владимир Иванович стал задавать вопросы...

В общем, срок мне продлили, но разницу в профессиональном уровне за час совещания (а доклад превратился в детальный разбор) я почувствовал сполна. Но главное, что поразило тогда - что заместитель Прокурора страны (!) общался со мной, как коллега с коллегой, вне различий в возрасте, чине и опыте. Уважение к этому человеку после первой же встречи я почувствовал огромное.

Может быть потому, что тогда при отстаивании своей позиции я был горяч и эмоционален, а может, по другим причинам, но, как выяснилось, Владимир Иванович меня запомнил. И когда он пришел на работу в областную прокуратуру, где я, как её «воспитанник», бывал почти регулярно, наши отношения быстро стали дружескими. Много было вечеров с долгими разговорами о текущей ситуации и завтрашних перспективах, и каждый раз Владимир Иванович избегал категорических утверждений и императивов - но его мнение всегда было весомым и взвешенным.

А затем были годы реконструкции «Гостиного двора», куда Владимир Иванович, уже адвокат, много раз приезжал ко мне в гости. Он не сразу, и не вдруг нашел себя на новом адвокатском поприще. Было видно, как ему порой трудно анализировать дело не для того, чтобы доказать вину, а чтобы выстроить позицию для защиты. Были случаи, что он просто отказывался от работы с теми, кто в его глазах был очевидным преступником. Но там, где дело касалось процессуальных нарушений, непрофессионализма проведенного следствия - он был незаменим! Огромный опыт, вдумчивость, глубочайшее знание закона делали его работу блестящим примером высочайшей юридической квалификации.

Но главным, что меня всегда восхищало во Владимире Ивановиче, были его человеческие качества. Умение быть внимательным, спокойным доброжелательным, прекрасное чувство юмора, готовность помочь и поддержать - все эти черты делали Владимира Ивановича интереснейшим человеком, и настоящим другом.

Память о моём старшем товарище будет со мной всегда...

Член Совета «Союза ветеранов следствия»

Вадим Соловьев

Его кредо - законность и справедливость

С момента создания прокуратуры Российского государства во все времена, независимо от формы государственного устройства, ее задача — надзор за соблюдением законности. Одно из направлений деятельности прокуратуры - расследование уголовных дел, надзор за следствием и дознанием, уголовном судопроизводстве. Владимир Иванович Кравцев посвятил этому долгие годы работы в органах прокуратуры - практически всю свою жизнь.

Как-то во время работы в прокуратуре Тульской области мне пришлось докладывать ныне покойному Генеральному прокурору СССР Руденко Р.А. результаты по его поручению проверки жалобы, поступившей на его имя, как депутата Верховного Совета СССР. В конце своего доклада я сказал, что все законно и прокурорского реагирования не требуется. Роман Андреевич, выслушав меня, произнес фразу одного из «политических» классиков: «по сути законно, а по существу - издевательство» и поручил принять решение, согласующееся с законностью и справедливостью.

Кравцева В.И. можно смело отнести к категории тех прокурорских работников, чьи принимаемые на всех должностях решения соответствовали и законности, и справедливости. Впервые с Владимиром Ивановичем мы встретились в начале 80-х годов прошлого столетия в годы моей работы в прокуратуре Пермской области. Он как заместитель начальника следственного управления прокуратуры РСФСР возглавлял бригаду по проверке организации работы прокуратуры в области по борьбе с правонарушениями среди несовершеннолетних. В работе бригады, ее руководителя отличали знание вопроса, принципиальность и справедливость.

Через несколько лет наши прокурорские дороги сошлись. Я был назначен заместителем прокурора РСФСР - начальником следственного управления, а Владимир Иванович был у меня заместителем - возглавлял отдел по надзору за расследованием уголовных дел в органах прокуратуры республик, краев и областей РСФСР. Особым направлением в его работе был надзор за расследованием и раскрытием умышленных убийств и руководство, специально создаваемыми из наиболее опытных следователей других регионов России следственных групп для расследования наиболее объемных и сложных уголовных дел.

Владимир Иванович много сил и энергии затратил на организацию расследования таких значимых дел, как:

- приписки и выпуск недоброкачественной продукции для оборонной промышленности на заводе «Пензадизель»;
- о хищениях в особо крупном размере изделий из дорогих мехов на Пензенском комбинате бытового обслуживания населения;
- о хищениях в особо крупном размере в Геленджикском курортторге;
- о жестоких убийствах женщин, массовых хулиганских действиях молодежи в Казани.

Перечень таких дел можно продолжать и по другим регионам РСФСР. Принимаемые Кравцевым В.И. по этим делам решения носили конкретный и четкий характер, строго согласовывались с законом.

Трагическим для СССР и граждан страны оказался конец 1991 года. Не обошло это и Владимира Ивановича. Прокуратура СССР, где он работал, как и вся огромная страна «приказала долго жить». Как и многие работники союзных ведомств Кравцев В.И. оказался на улице. Я в это время работал прокурором Московской области. Оставшиеся не удел опытные, молодые, полные сил и энергии работники аппарата Генеральной прокуратуры СССР, ранее работавшие прокурорами республик, Иванцов Г.И. и Кравцев В.И. пришли в прокуратуру Московской области, готовые работать в любой должности.

Иванцов Г.И. на должность выше начальника отдела не соглашался и был назначен начальником отдела в следственном управлении. Кравцев В.И. был назначен на вакантную должность заместителя прокурора области, а затем - первого заместителя. Надо отдать должное: и Иванцов Г.И., и Кравцев В.И. работали успешно, не кичились тем, что ранее занимали высокие должности в аппарате Генеральной прокуратуры СССР.

Октябрь 1993 года, независимую Российскую Федерацию, его народ потрясают новые события. Расстрелян парламент, гибнут невинные граждане, возбуждены уголовные дела в отношении ведущих должностных лиц государства. Все они заключены под стражу.

Генеральным прокурором Российской Федерации назначен Казанник А.И., заместителем Генерального прокурора по следствию - Кравцев В.И. Выстоять в то время на этой должности, не поддаться искушению нарушения законности «во благо» было не просто. Совершили они (члены ГКЧП, руководство Верховного Совета Российской Федерации и другие лица) преступления, в которых их обвиняли, или преступления были совершены другими в отношении них - вопрос не праздный.

И не случайно, еще в период подготовки к выборам в новый верховный орган власти - Государственную Думу, лидер ЛДПР Жириновский В.В. создал из кандидатов в депутаты Государственной Думы от партии специальную группу по подготовке постановления «о политической амнистии» в отношении лиц, имеющих отношение к событиям августа 1991, 1 мая и октября 1993 года.

В состав группы вошли видные юристы, практические работники, журналисты: доктор юридических наук, профессор - Вишняков В., доктор юридических наук, профессор - Ищенко Е., кандидат юридических наук, доцент - Кривельская Н., начальник отдела прокуратуры Московской области - Астафьев Н., заведующий Щелковской юридической консультацией Московской области, адвокат - Киселев В., главный редактор «Юридической газеты» - Финько О.

После выборов все члены комиссии получили от ЛДПР мандаты депутатов Государственной Думы Российской Федерации. 4 января 1994 года разработанный проект постановления «о политической амнистии» был внесен во временный Секретариат Государственной Думы. 11 января 1994 г. на первом заседании Государственной Думы депутаты почтили вставанием и минутой молчания память всех трагически погибших в 1993 году. С приветствием к депутатам Государственной Думы от имени Президента Российской Федерации выступил Председатель Правительства Черномырдин В.С. Призывая к объединению вокруг общих ценностей, сохранению гражданского мира, стабильности, единства страны и ее обновления, Черномырдин В.С. сказал: «Первый день работы качественно нового парламента, избранного гражданами суверенного государства - хороший повод задуматься над уроками недавнего прошлого».

Кто должен был «задуматься над уроками недавнего прошлого» Виктор Степанович не уточнил, но депутаты впоследствии неоднократно возвращались к обсуждению акта об амнистии. Обсуждение было сложным, тем более, что Президентом России был внесен на рассмотрение другой проект постановления об амнистии, который не касался лиц, привлеченных к уголовной ответственности по событиям августа 1991 года и октября 1993 года.

Наконец, 23 февраля 1994 года после «жаркого» обсуждения депутаты Государственной Думы единым пакетом проголосовали за принятие Меморандума о согласии, политической и экономической амнистии, признали утратившим силу постановление о создании комиссии по расследованию октябрьских событий.

И все-таки определенными властными деструктивными силами принимались меры по недопущению исполнения постановления парламента в части политической амнистии. Коллегия Генеральной прокуратуры приняла единственно правильное решение о неправомерности надзора за Государственной Думой и необходимости исполнения ее постановления об амнистии.

После этого Генеральный прокурор России Казанник А.И. подал в отставку. 26 февраля постановление Государственной Думы было опубликовано в «Российской газете» и подлежало исполнению. При отсутствии Генерального прокурора страны, Кравцеву В.И., как его заместителю по следствию, надлежало принять решение об исполнении акта об амнистии, и он это сделал. Я специально остановился на том, как сложно и в каких условиях принимался акт о политической амнистии, что наложило политическую ответственность на

его исполнение органами прокуратуры.

Владимир Иванович не дрогнул, руководствуясь принципами законности и справедливости, 26 февраля 1994 года утвердил постановления о применении акта об амнистии и прекращении уголовного преследования с освобождением из-под стражи всех лиц по событиям августа 1991 года, мая и октября 1993 года. На основании принятого им решения уже 26 февраля были освобождены из-под стражи Председатель Верховного Совета Российской Федерации Хасбулатов Р.И. и вице-президент Российской Федерации Руцкой А.В. После подписания этих документов места в органах прокуратуры ему не было. Он прекрасно это понимал, но не изменил своим принципам, честно исполнил свой долг.

Уйдя на пенсию, будучи адвокатом, Владимир Иванович продолжал отстаивать законность и конституционные права граждан. Незадолго до трагической кончины мы сидели с ним на скамеечке в тени деревьев у меня на даче (у нас с ним дачи были в одном СНТ), делились впечатлениями, вспоминали годы совместной работы.

Он мне рассказывал, как он съездил в родной Челябинск, побывал на могиле родителей, встретился с родственниками, побывал в прокуратурах, где раньше работал, встретился с друзьями и коллегами.

Как оказалось, это была его прощальная поездка.

**государственный советник юстиции 2 класса
заслуженный юрист России Почетный работник прокуратуры
Борис Наместников**

Человек чести

С Владимиром Ивановичем Кравцевым я познакомился в 1981 году, когда его перевели на службу в Прокуратуру РСФСР. Работал я тогда в должности старшего следователя по особо важным делам при Прокуроре РСФСР.

Первая встреча состоялась на обсуждении у заместителя прокурора РСФСР Трубина Н.С. уголовного дела о хищениях в особо крупных размерах на предприятиях местной промышленности Северного Кавказа. Расследование по своим масштабам и методам хищения представляло значительную сложность, особенно в части технологических экспертиз и их выводов. Как правило, в обсуждениях таких дел принимали участие несколько руководителей следственного управления. Первые же доводы, высказанные Владимиром Ивановичем при обсуждении, показали, что он опытный практик, а не следственный, только надзирающий за следствием. Все последующие годы я сохранил с ним самые добрые отношения. Навсегда запомнил свою последнюю встречу с ним в здании Генеральной прокуратуры РФ.

В июле 1992 года я был назначен Полномочным представителем Президента РФ во вновь образованную Республику Ингушетия. Из-за принципиального несогласия с решениями Президента по зоне осетино-ингушского конфликта в октябре 1992 года, я ушел в отставку и вернулся в прокуратуру РФ на прежнюю должность - начальника отдела по расследованию убийств и бандитизма (Прокурором РФ уже стал Казанник А.И.). Буквально через месяц началась выборная компания депутатов Совета Федерации РФ первого созыва. Мне пришлось не по своей инициативе принять участие в этих выборах, по их результатам

я был избран депутатом Совета Федерации от Республики Ингушетия. На первом же заседании, посвященном организационным вопросам, я был избран Председателем Комитета по конституционному законодательству и судебно-правовым вопросам. Для осуществления депутатских полномочий на постоянной основе я вновь был откомандирован, но уже в Совет Федерации Федерального Собрания РФ.

Вскоре произошло первое серьезное столкновение между Президентом России и Советом Федерации. 12 марта 1993 года Президентом РФ издан указ об освобождении от должности Генерального прокурора РФ Казанника А.И. и возложении обязанностей Генерального прокурора РФ на Ильюшенко А.Н. В обоснование такого противоречащего Конституции РФ решения указывалось, что Казанник А.И. назначался Указом Президента РФ до принятия новой Конституции и потому Совету Федерации предлагалось без обсуждения согласиться с указом и рассмотреть кандидатуру Ильюшенко А.Н. на должность Генерального прокурора РФ. Тогда же Совету Федерации стало известно, что причиной отставки Казанника послужило то, что прокуратура, следуя Акту об амнистии, принятому Государственной Думой, освободила из следственного изолятора членов ГК ЧП, против чего возражал Президент. Начались жесткие дебаты. Члены Совета Федерации в своем абсолютном большинстве решили потребовать от Президента освобождения Казанника от должности и официального представления на назначение Ильюшенко. Такое решение вытекало из норм Конституции РФ, на чем Совет Федерации жестко настаивал. Перед рассмотрением этого вопроса на комитете я узнал, что в связи с несогласием с Указом Президента РФ относительно Казанника, подали в отставку четыре заместителя Генерального прокурора РФ и первым это сделал Кравцев В.И., руководивший исполнением Акта об амнистии. Созвонившись, я пришел к нему в кабинет и застал его собирающего личные вещи из стола и сейфа. Он тепло меня встретил, но душещипательного разговора о том, что еще не все кончено, что, в крайнем случае, с новым прокурором можно договориться, не получилось.

Он встал, подошел ко мне и, положив обе руки мне на плечи, сказал: «Исса, помимо всего прочего, есть еще честь! Я никогда честью и совестью не торгую!». Мы попрощались.

В тот же вечер я доложил ситуацию на заседании Комитета, было принято единогласное решение вызвать Казанника из Омска, и при его участии рассмотреть вопрос о восстановлении в должности. На следующий день Казанник прилетел в Москву. Комитет, приняв единогласное решение о восстановлении Казанника в должности и с этим решением вышли на пленарное заседание. После того как постановление большинством голосов было принято, Казанник А.И., выйдя к трибуне, сказал, что испытывает огромную радость от того, что в России появился орган, защищающий Конституцию страны. Что же касается его восстановления, то он не желает работать с Президентом, который готов из-за личных амбиций растоптать и Конституцию, и любые законы. В связи с этим он просит Совет Федерации освободить его по его просьбе. Здесь же было принято постановление об освобождении Казанника по его просьбе. Что касается Ильюшенко А.Н., то Президент трижды представлял его Совету Федерации, но он так и не был назначен...

В последующем, когда Кравцев В.И. занимался адвокатской практикой, я как-то шутя спросил, не мешает ли гусарской чести его новое занятие? Владимир Иванович, улыбаясь, ответил: «Наоборот, я сейчас полностью свободен в своих решениях!». Но грустинка о настоящей работе в этом ответе чувствовалась. Слава Богу, наши ветераны уговорили его стать председателем ветеранской организации. Там его человеческие черты раскрылись в полной мере..

**Государственный советник юстиции 2 класса
Заслуженный юрист Российской Федерации Исса Костоев**

Есть на кого равняться

С Владимиром Ивановичем Кравцевым я впервые познакомился в 1984 году, когда он пришел на работу в прокуратуру СССР. Ранее с ним приходилось общаться мало. Я знал, что он работал заместителем прокурора Челябинской области, а затем заместителем начальника следственного управления прокуратуры РСФСР и был на хорошем счету.

Мне уже «старожилу» Главного следственного управления импонировало, что в нашем аппарате появился новый человек, молодой, профессионально подготовленный и прошедший все стадии прокурорско-следственной деятельности.

Владимир Иванович сразу вошел в наш коллектив и стал своим. Подкупали его открытый характер, простота и доступность в общении, человечность и доброжелательное отношение к коллегам, но в то же время принципиальность и самостоятельность в суждениях. В нем чувствовалась основательная юридическая подготовка.

Было очевидно, что он занял руководящие посты на прокурорско-следственном поприще не по протекции и быстро продвигался по службе. И мы считали это оправданным. С пониманием было воспринято и его назначение прокурором Башкирской АССР, а затем и заместителем Генерального прокурора СССР. И в этих должностях он не утратил своих человеческих качеств.

В связи с распадом СССР и ликвидацией прокуратуры СССР многие из нас пережили унижение и неуважение новой прокурорской власти, но остались верны своей профессии и родной прокуратуре как системе, мужественно преодолели все это и со временем восстановились в своем профессиональном статусе.

Вернулся в центральный аппарат Генеральной прокуратуры РФ и Владимир Иванович, достойно заняв должность заместителя Генерального прокурора Российской Федерации. Как человек профессионального долга и чести он искренне верил, что закончилось трагическое противостояние высших ветвей власти и начнется неоднократно декларируемое практическое построение правового государства.

Он, занимая в сложной политической обстановке начала 1990-х годов высокий государственный пост, наивно рассчитывал, что сможет уберечь органы прокуратуры от дальнейших попыток втягивания их в политическую борьбу.

Осуществляя общее руководство расследованием трагических событий 3-4 октября 1993 года в городе Москве, Владимир Иванович стремился честно выполнить свой долг, требуя от подчиненных прокуроров и следователей максимальной объективности и осуществления строгого прокурорского надзора за соблюдением законности в стадии дознания и предварительного следствия по этому делу.

Но, убедившись в тщетности своих усилий и ощущая постоянное давление и.о. Генерального прокурора РФ Ильюшенко, пытавшегося сделать прокуратуру «карманной» и управляемой для лиц, стоящих в то время у власти, Владимир Иванович в июле 1994 года спустя семь месяцев после занятия своей должности в знак протеста оставил свой высокий пост и уволился из генеральной прокуратуры РФ.

Такие мужественные поступки в практике прокуратуры ранее случались крайне редко и поэтому были восприняты коллегами весьма позитивно.

Мы с Владимиром Ивановичем стали тесно общаться, когда были созданы ветеранская организация генеральной прокуратуры РФ, а затем «Союз ветеранов следствия» при Следственном комитете РФ. Он стал активным их членом, а в 2008 году был избран

руководителем «Союза ветеранов следствия». Под его началом и при всемерной поддержке руководства Следственного комитета и его Председателя Бастрыкина А.И. эта ветеранская организация быстро самоутвердилась, приобрела известность, завоевала авторитет среди пенсионеров и укрепилась организационно. В ее активе появилось много важных и интересных начинаний.

Мы вместе - наша организация ветеранов генеральной прокуратуры РФ и «Союз ветеранов следствия» тесно взаимодействуем при проведении различных мероприятий, поддерживали друг друга во всех делах. И у нас были большие планы на будущее.

Все мы тяжело переживали и переживаем неожиданную кончину Владимира Ивановича и его безвременный уход из жизни. Он многое смог бы сделать для совершенствования организации работы следственного аппарата и расширения сферы деятельности «Союза ветеранов следствия», но и то, что он успел осуществить в своей жизни, является примером для тех, кто по-настоящему любит свое Отечество.

**Заместитель Председателя ветеранской организации
Генеральной прокуратуры Российской Федерации
Василий Серов**

Пересечение судеб Ночная прогулка

Август 1984 г. Мне, резервисту прокуратуры СССР, тогда зам. начальника следственного управления прокуратуры Горьковской (ныне Нижегородской области) было предложено сдать трехкомнатную квартиру, уволить жену из элитного НИИ и ехать с семьей на службу в Узбекскую ССР.

Предложение было сделано такими должностными лицами и в такой форме, что отказаться от него оказалось невозможным.

Единственным послаблением было напутствие следующего характера: «Сейчас в Каракалпакской АССР находится зам. начальника управления кадров прокСоюза Кравцев, завтра выезжайте к нему, там с ним определитесь где и кем вы будете служить»

Удивляться такой постановке вопроса во времена Ю. В. Андропова не приходилось, таких как я были многие десятки.

В Нукусе меня, по требованию Владимира Ивановича, поселили в одной с ним гостинице. Общий язык и взаимные симпатии мы обрели с первых минут общения - одинаковый возраст, мое вечернее и его заочное обучение в институтах, единый следственно-прокурорский старт карьеры, единое понимание стоящих перед государством и обществом проблем и роль правоприменительных служб в решении текущих и перспективных задач.

После товарищеского ужина мы до трех часов ночи прогуливались по парку и пустынным улицам, делясь воспоминаниями и обсуждая насущные проблемы предстоящей работы.

Кравцев предложил мне на выбор две должности - прокурора Бухарской области или первого заместителя прокурора Каракалпакской АССР по следствию.

Выбрал то, что выбрал, поскольку считал себя не в праве, не поработав заместителем, перешагивать через ступеньку выше и занимать должность прокурора области.

Так мой товарищ Г. Н. Матюшов оказался в Бухаре, а я - в Каракалпакии.

Напутствием прозвучали слова Кравцева: «Следствие ты знаешь отлично, а теперь учи культуру, религию и обычаи народа, среди которого ты и твоя семья будете жить и работать, иначе среда отторгнет. Отступать тебе некуда. Мосты для тебя по партийным установкам сожжены. Поэтому - ни шагу назад»

Во многом благодаря следованию этим правилам нам с Владимиром Ивановичем удалось не только выжить и адаптироваться в иноязычной и инокультурной среде, но и с достоинством впоследствии выйти - ему из Башкортостана, а мне из Узбекистана.

Так ночная прогулка по Нукусу обернулась восемью годами службы в Средней Азии.

За эти годы удалось не только реорганизовать работу прокуратуры автономной республики, создать первую в стране природоохранную (Аральскую) прокуратуру, но и серьезно обновить основные фонды - было построено более десяти комплексов зданий прокуратур районов с коттеджами служебного жилья и трехэтажное здание прокуратуры автономии. Когда же в 1990 г., не без поддержки В. И. Кравцева, я был назначен заместителем прокурора Узбекистана, с учетом моих предложений было реконструировано управление кадров по личному составу.

Стажировка

В 1986 г., в кабинете Генерального прокурора СССР, при вручении мне удостоверения прокурора автономной республики, я заверил А. М. Рекункова, что ему не придется сожалеть о моем назначении. Александр Михайлович ответил, что все же мне полезно будет ознакомиться с постановкой работы в другой автономии, у более опытного прокурора.

Не раздумывая, я выдал: «В Башкирии.»

Рекунков усмехнулся: «У крестного отца? Что ж после полугодовой коллегии поезжай на неделю.»

У трапа самолета в Уфе меня встречал Владимир Иванович и, категорически отвергнув мое желание поселиться в гостинице отвел к себе в дом, где я и ночевал все пять суток, деля с хозяином и кров, и стол.

Утром следующего дня мы составили программу моей стажировки, куда входило ознакомление с документооборотом, вопросами контроля исполнения, организации функционирования коллегии, взаимодействия с органами законодательной и исполнительной власти республики, постановкой кадровой работы и т. д.

Для меня был выделен отдельный кабинет, любые интересующие документы предоставлялись незамедлительно.

К концу командировки сложилась картина работы прокуратуры как хорошо отлаженного часового механизма. Многие из того, что увидел, было впоследствии перенесено в собственную практику. Но приятно поразило другое. Я обратился к Владимиру Ивановичу со смелой просьбой - дать мне кандидатуру из числа его сотрудников для назначения старшим помощником прокурора Каракалпакстана по кадрам. Ответом было уж совсем неожиданное: «Знакомься с личными делами, сам выбирай и сам уговаривай на

переезд, препятствовать не буду.»

Мой выбор остановился на помощнике прокурора одного из районов - Сергее Михайловиче Караваеве, человеке весьма обстоятельном и толковом. Срочную он служил прапорщиком и это также было доводом в его пользу, поскольку при собеседовании с ним мне припомнились слова, приписываемые маршалу Победы: «Армия - это я и сержанты.»

Так нами с Владимиром Ивановичем была нарушена неписаная заповедь - сотрудников друг у друга не переманивать. Надо сказать, что в принятом решении мы не ошиблись.

Кадровую работу С. М. Караваев освоил быстро, и через пару лет был переведен начальником отдела управления кадров прокуратуры Узбекской ССР.

Кабинет под лестницей

К 1993 г. финансовое и материальное обеспечение органов прокуратуры находилось в удручающем состоянии.

Денежное содержание всем без исключения выплачивалось по тарифной сетке, зарплата не успевала за инфляцией. Я был приглашен из Оренбурга, где служил прокурором области в Москву на должность начальника управления материально-технического и финансового обеспечения.

В кризисных для страны 1993-1994 гг. сменилось три Генеральных прокурора России. По специфике работы мне приходилось ежедневно общаться с каждым из них.

Хорошие деловые отношения складывались с В. Г. Степанковым, а затем и с А. И. Казанником. Алексею Ивановичу, в связи с отстранением Е. К. Лисова, срочно был необходим заместитель по следственной работе.

Вскоре, на одном из моих докладов, он спросил, кого бы можно было рассматривать в качестве кандидата на эту ответственную должность.

Отвечал, не раздумывая: «В. И. Кравцева.»

Казанник заметил, что слышал эту рекомендацию не только от меня, и поинтересовался, насколько я знаком с Владимиром Ивановичем.

После моего ответа, мне было дано поручение переговорить с Кравцевым открытым текстом, и в случае его принципиального согласия, передать приглашение на личную встречу с Генеральным.

Я отправился в прокуратуру Московской области, где в скромном «кабинете под лестницей» два часа обсуждал с ним ситуацию и уговаривал Владимира Ивановича принять предложение. Назначение состоялось. В распоряжении очень порядочного, но недостаточно подготовленного для такой должности Алексея Ивановича Казанника, оказалась мощная и слаженная команда профессионалов.

Просуществовала эта команда в своем составе всего несколько месяцев, однако успела решить два ключевых вопроса.

Во-первых - завершить примирением амнистии уголовные дела о ГКЧП и о противостоянии Президента и парламента, в чем безусловно большая заслуга А. И. Казанника и В. И. Кравцева, потерявших на этом свои должности, но не потерявших

уважения своих коллег и общества в целом.

Во-вторых - провести в жизнь государственные мероприятия по формированию системы должностных окладов в процентной привязке к окладу Генерального прокурора.

Данная система с небольшими изменениями функционирует и по настоящее время как в прокуратуре, так и в Следственном Комитете России.

Тогда же была осовременена система выплаты пенсий и решены вопросы вещевого довольствия.

Над решением этих задач активно работали почти все заместители Генерального прокурора, используя в том числе свои личные связи в Правительстве, администрации Президента и Парламенте.

Прилагали свои скромные усилия и мы с моим заместителем О. М. Бродским.

С обнищанием системы Прокуратуры Российской Федерации было покончено в знаковом 1994 г. Этому во многом способствовал демарш А. И. Казанника и В. И. Кравцева, доказавший Президенту Б. Н. Ельцину и его окружению, что прокуратурой помыкать невозможно, что прокуратуру и закон надо уважать.

Ветераны на марше

Следственный комитет России - дело всей жизни следственников, пришедших на государеву службу в последние четверть века.

В 2008 г., с одобрения А. И. Бастрыкина, Лекановым Ю. И., Кравцевым В. И., пишущим эти строки, и еще несколькими уважаемыми пенсионерами был зарегистрирован региональный Союз Ветеранов Следствия.

За эти годы общественная организация встала на ноги, окрепла и в настоящее время работает над развертыванием движения пенсионеров и ветеранов во всех регионах России.

В самый ответственный период становления, нами на протяжении пяти лет, руководил Владимир Иванович. Его трагический уход из жизни в 2013 г. был сущим потрясением для всех, кто его знал.

Пять лет мне довелось работать заместителем, но только после избрания на должность председателя общественной организации, стало понятно, какое бремя нес мой предшественник. Прежде всего, им было налажено товарищеское деловое взаимодействие с руководством Следственного Комитета.

Владимиром Ивановичем была активно воспринята концепция А. И. Бастрыкина о создании государственного праздника - Дня следственного работника, отмечаемого не по ведомственному, а по профессиональному признаку. По этой же концепции формируются и наши общественные организации, включающие в свои ряды ветеранов следствия прокуратуры, ФСБ, МВД, ФСКН, СК РФ.

Наши ветераны всячески содействуют становлению кадетского корпуса и кадетских классов, преподают консультантами-наставниками в регионах.

Начало всему этому закладывалось нами вместе с В. И. Кравцевым. Недаром учрежденная памятная медаль В. И. Кравцева пользуется таким уважением и у пенсионеров, и у действующих сотрудников, и превратилась в фалеристическую ценность.

Именно на таких людях, как Владимир Иванович Кравцев, стояла и будет стоять Российская государственность.

**Председатель Совета Союза Ветеранов Следствия
В. В. Донцов**

Гвозди бы делать из этих людей...

К 80-м годам прошлого века молодежная прослойка руководителей следственного управления Прокуратуры России пополнилась очень интересным человеком: выходцем с Урала, моим ровесником — Кравцевым Владимиром Ивановичем.

И тогда, и спустя десятилетия, к нему применялись только хорошие прилагательные: семьянин - отличный; отец и дедушка - заботливый и замечательный; руководитель - мудрый, справедливый, скромный, трудолюбивый, принципиальный и волевой; человек - с большой буквы, искренний и наделенный чувством юмора. К началу его работы в аппарате я «фулил» криминалистикой, наше подразделение располагалось в другом здании, но когда по служебным вопросам приходилось заглядывать на второй этаж д.13 по Кузнецкому мосту в кабинет заместителей по следствию, то мы с Владимиром Ивановичем обязательно радовались встрече, а порой и «дурачились».

Однажды утром я застал его в легком возмущении: «Через десять минут начнется отсчет рабочего времени, а Барышев (его сосед по кабинету) задерживается... Давай его накажем». Задумку реализовали сразу. Меня, коль я меньшей комплекции, разместили в шкафу, и когда опаздывающий Александр Кузьмич Барышев открыл дверцу, чтобы повесить пальто, я приветствовал его протянутой рукой со словом: «Здравствуй!». От неожиданности он опешил и в следующие дни стал приходить на службу пораньше...

С учетом масштаба личности и высокого профессионализма Кравцев в прокуратуре России долго не задержался: его перевели в прокуратуру СССР, а затем на самостоятельный участок - назначили прокурором Башкирии.

Там ему пришлось организовывать расследование очень тяжелой трагедии: столкновения двух встречных поездов с многочисленными жертвами. При этом проявился его организаторский талант руководителя, а также чуткость и сердечность в общении с родственниками погибших.

Я был задействован в работе по организации опознания множества трупов и выдачи дачи тел, а оставшиеся части тел и неопознанные трупы были отправлены в Москву на кремацию. Через два дня в Башкирию возвратили урны с прахом, на каждой из которой стояли цифры от единицы до более, чем ста в нарастающей последовательности (без нумерации урн с прахом погибших по существовавшим правилам кремацию не проводили). В то же время на площадке, где проводилось опознание тел погибших, для приезжающих родственников висели пронумерованные листы с описанием конкретных трупов, возникла неординарная ситуация: номер урны с прахом погибшего, совпадал с номером информационного листа с описанием тела другого человека и при выдаче праха родственникам могла возникнуть непоправимая путаница. Поступила команда: выдачу урн не производить, пока на площадку не приедут Кравцев В.И. и Землянушин И.С.

Однако «тормозить» выдачу урн с прахом в той обстановке было неэтичным и болезненным. Поэтому на свой страх и риск я попросил срочно привезти гравиров, которым поручил добавить к числам на каждой урне спереди и сзади еще по цифре, чтобы ни у кого

не возникало соблазнов сравнивать пятизначное число с числами на листах описания трупов. Когда Владимир Иванович и Иван Семенович прибыли на площадку, урны родственникам без всяких конфликтов уже были переданы, и скандала не случилось. «Ну, Юр! Только за этот технический прием ты заслуживаешь поощрение!» - изрек Кравцев.

Башкирский период для Владимира Ивановича закончился через три года справедливым назначением на должность заместителя Генерального прокурора СССР по следствию. И на этом высоком посту он не обрел барские замашки, государственная же мудрость в нем преумножилась. Но та же простота и доступность остались при нем.

Развал Союза, упразднение прокуратуры СССР не выбили из седла прокурорского всадника: и в прокуратуре Московской области, и в Генеральной прокуратуре России он оставался верен себе - работал, не покладая рук, реально беспокоился о соблюдении законности, и, как всегда, уважительно относился к людям. А на больших должностях в государстве порой уютно чувствуют себя приспособленцы. Кравцев же - из другого те ста. Поэтому, когда Дума вынесла постановление об амнистии для участников событий августа 1991 года и октября 1993 года Владимир Иванович, не смотря на запреты окружения Бориса Ельцина, не прогнулся и сидельцев выпустил...

Расплатой была вынужденная отставка... Ему не было еще и пятидесяти лет... Очень тяжелый период он и его семья переживали не один год.

Когда в Следственном комитете в 2008 году задумались о создании «Союза ветеранов следствия», встал вопрос о том, кто возглавит эту общественную организацию. По всем качествам на эту роль подходил Владимир Иванович Кравцев. Однако уговаривать его на лидерство пришлось две недели... И все из-за его скромности ...

Смущало его и то, что он состоит в ветеранской организации Генеральной прокуратуры. И что же, раздваиваться? Пришлось звонить председателю ветеранской организации аппарата Генпрокуратуры - Трубину Николаю Семеновичу и просить у него поддержки в уговаривании Владимира Ивановича занять следственный ветеранский престол...

И этот человечище встал у руля «Союза ветеранов следствия». И с 2008 по 2014 годы этот руль был в надежных руках! Наша ветеранская организация крепла, и в ней царил Кравцевский дух настоящего человека. Володи не стало, и 70 лет со дня его рождения мы отметим в июле 2015 года:

*Осиротели, сникли взглядом,
Таких, как он: ищи с огнем,
И думай, с кем же теперь рядом
Сидеть за дружеским столом...*

Но при всей сложности и допущенной в отношении Володи несправедливости (незаслуженного отлучения в девяностые годы от любимого дела), он всегда был настроен на созидание, имел чувство юмора и ценил его в других.

Когда Владимир Иванович после длительных уговоров в 2008 году заступил на «дежурство по ветеранскому цеху», зная, что он перенес сложную операцию по онкологии, его старались сильно не загружать. Но он не привык работать формально с прохладцей, поэтому ветеранскому делу отдался со всем жаром своего сердца. Выходил с различными инициативами и занимался не администрированием, а живой ветеранской деятельностью. Спорные вопросы рассматривал понимая, что именно открытая дискуссия позволит выработать правильное решение.

Многие следователи будут ему благодарны за инициативу по «пробиванию» праздника «День следственного работника». И с 2014 года в стране 25 июля ежегодно отмечается этот праздник.

А как он был азартен на спортивных площадках! Благодаря Спортклубу следственных органов, который Владимир Иванович всячески поддерживал, ветераны периодически выезжали на спортивные мероприятия, и это были праздники души - с призами, общими песнями...

До сих пор корю себя за то, что не мог заставить своего товарища бросить курить и не смог настоять, чтобы он взялся за написание мемуаров...

Владимир Иванович своими человеческим качествами задал высокую планку последующим руководителям «Союза ветеранов следствия». И лучшей памятью нашему другу будет общая созидательная работа на благо Отечества.

Думается, что он всегда подписался бы под следующими фразами: «не сидение в президиуме дает человеку авторитет; больше думай о людях, а не о своем честолюбии»; «формализм - радушию не друг». Вот с такими лозунгами мы и будем продолжать дело, которому с таким человеческим достоинством служил Владимир Кравцев.

**Помощник Председателя следственного комитета
Юрий Леканов**

14Автор этих строк не может посетовать на свою судьбу: мой скромный, пусть и продолжительный труд на прокурорско-следственной ниве отмечен многими наградами, в том числе и государственной. Но в тот день, когда мне вручили награду Совета «Союза ветеранов следствия» - «Медаль Кравцева», я был переполнен особым волнением и гордостью. Удостоиться награды с таким именем для меня было большой честью. Высказывая слова благодарности, я отметил, что вручение этой медали — некое подведение итогов, она венчает определенный этап моей профессиональной, да и просто жизни и подтверждает, справедливость полученных ранее наград, не умоляя их высоких достоинств. Именно так я воспринял это награждение!

О Кравцеве Владимире Ивановиче, как о высоко профессиональном следователе и прокуроре было сказано и написано немало. Случилось так, что мне не повезло, наши профессиональные пути не пересекались, мне не посчастливилось работать под его руководством или рядом. Не умоляя его как профессионала, следственного и прокурора я с большой любовью и уважением относился к нему в первую очередь, как к человеку. Общались с ним мы больше на бытовом уровне. Мы дачники.

Земледельцами мы стали в начале девяностых теперь уже прошлого столетия. В то время я по семейным обстоятельствам вынужден был уйти с государственной службы, но являлся членом, тогда ещё только зарождающегося садоводческого товарищества «Отдых», организованного прокуратурой Московской области. На очередное собрание членов садоводческого товарищества мы собрались в маленьком, но уютном зале коллегии. Среди многочисленных вопросов, которые обсуждали на собрании новоиспеченные садоводы, был и вопрос о приеме в товарищество новых членов. Среди претендентов оказался и Владимир Иванович Кравцев. Там мы впервые и увиделись. Несмотря на его весьма солидные регалии, держался он скромно, по-простому, я бы даже сказал, застенчиво. Когда председательствующий объявил его кандидатуру и объявил, что Владимир Иванович иных земельных участков и дач не имел и не имеет, я подумал: бессребреник.

Честный человек, а значит и прокурор такой же. Последующее наше общение не только подтвердило это первоначальное мнение, но и укрепило его. Прошло много времени с начала освоения наших дачных шести соток, многое уже и не помнится. Не у всех все получалось, стремились как-то поддержать друг друга, поделиться каким-то опытом, радостью от чего-то успешно выращенного. Строительство садовых домов давалось с трудом, не было стройматериалов, да и материальный достаток не всегда позволял нанять хорошую бригаду для строительства. Но как бы то ни было, мы всё же умудрились возвести наши «дачные дворцы». Владимир Иванович тоже построил небольшой, но очень добротный, основательный домик из оцилиндрованного бревна, с высоким цокольным подвалом. Несмотря на скромные размеры, дом получился достойным и как бы, олицетворяющего скромность своего хозяина и одновременно солидность.

Когда основные строительные работы в садовых домиках завершились и появилась возможность там в них ночевать, наше общение стало более тесным. Моя супруга занималась косметологией и, естественно, женщины - жена Владимира Ивановича - Лидия Михайловна и дочь Наташа, не могли упустить возможность отдохнуть на даче и одновременно побывать у косметолога. Так вот пока женщины занимались своими «прекрасными делами», мы с ним за «рюмкой чая» вели по вечерам беседы о насущном и будничном. Говорили не только о дачных хлопотах, петрушках и морковках, как правило, разговор сводился к нашей профессии. Было видно, что Владимир Иванович, а к этому времени он уже был в отставке, несмотря на свое пенсионное положение искренне, потцовски переживает о происходящем в прокуратуре в целом и в следствии в частности. Он с каким-то искренним удовольствием вспоминал свою работу следователя, прокурора, много рассказывал о работе в Башкирии. Я обратил внимание, что периоды работы на высших должностях прокуратуры он старался в своих воспоминаниях обходить. Повидимому, для этого были разные причины, но думаю, что Владимир Иванович мог испытывать и боль, вспоминая несправедливость продемонстрированную сильными мира сего по отношению к нему. Но не исключено, что ранние периоды его работы были более приятными для воспоминаний, поскольку они связаны с молодостью.

Позже, когда Владимир Иванович возглавил Совет ветеранов следствия, а я перешел на работу в центральный аппарат Следственного комитета и работал в Главном следственном управлении, наши беседы, конечно же, сводились к проблемам следственной работы, много говорили о необходимости планомерной работы с кадрами, их воспитании, выстраивании взаимоотношений и взаимопонимания с надзирающими прокурорами.

Поражало то, что Владимир Иванович настолько болезненно реагировал на какие-то неудачи в нашей работе, словно именно он виноват в этом. Его суждения, мысли, идеи, советы исходили как от человека, поставленного Следственным комитетом для решения непростых задач. Он всегда по-доброму относился к следователям, понимая, что они фундамент всей системы органов комитета. Много говорили и о принятых управленческих и организационных решениях. Не скрою, что мы нередко сходились во мнениях, что, к сожалению, было немало ошибочных действий. Правда, мы осознавали, что может быть мы в своих выводах и не правы, так как не обладаем полной информацией о мотивации принятия того или иного решения.

Но в целом, он высоко ценил руководителей Следственного комитета, отдавал должное тому, что эти люди строят новую следственную систему. Очень много добрых слов было при этом сказано в адрес Бастрыкина А.И. Владимир Иванович отзывался об этом человеке, с большим уважением считал и постоянно говорил, что Бастрыкин работает очень много и весьма продуктивно.

О скромности Владимира Ивановича, его совестливости и глубокой порядочности немало сказано и написано. Помнится, как-то, то в один из дачных дней ему понадобилось съездить в Солнечногорск за какой-то покупкой. Машины у него никогда не было, а у меня

была. В разговоре узнав, что он собирается в Солнечногорск, я предложил съездить вместе. По дороге разговорились. В тот период Владимир Иванович трудился в одном известном банке. Я тоже имел опыт работы в банке, но все там было мне не по душе, и я ушел. Владимир Иванович знал об этом случае и о том, что сейчас я работаю адвокатом. И вдруг он сообщает, что уволился из банка и стал теперь моим коллегой. Я искренне удивился. Проработал он в банке совсем мало, какие-то считанные месяцы - и тут такое решение! «А что так, Владимир Иванович?» - спросил я. Он со свойственной от природы скромностью, как бы извиняясь, стал объяснять причины: «Ты знаешь - не могу! Прихожу на работу, перечитываю все газеты, ну крайне редко дам кому-то совет и все. А деньги платят хорошие! А я их не заработал. Не хочу так!». «Понятно», - коротко ответил я. А про себя подумал: «А многие ли так поступают?» К сожалению, нет.

Надо сказать, что Владимир Иванович не шибко тяготел к земельным делам, но на даче ему нравилось, и он всегда с готовностью подставлял свое мужское плечо жене Лидии Михайловне и дочери Наташе, которые всегда подходили к дачным делам с фантазией, всегда стремились посадить что-то необычное, красивое: покупали много рассады разнообразных цветов и растений. В этом я с ними находил абсолютное взаимопонимание.

Хотя я и выходец из крестьянской семьи, но считал, что наши шесть соток - не для аграрных рекордов и постепенно отвоевывал у жены клочок за клочком от огорода под цветники и газоны. С Лидией Михайловной мы были первопроходцами культивирования на своих участках газонов. Потом за нами потянулись многие, количество грядок на участках стало сокращаться, а площади для приятного отдыха на газоне увеличиваться. Думаю, это правильно, ведь не решим же мы на своих участках, выбираясь туда на выходной день, продовольственную программу. Владимир Иванович с нами соглашался.

Про цветочки и газоны я заговорил не потому, что уж очень люблю этим заниматься. Обмениваясь опытом выращивания тех или иных цветов и растений с Лидией Михайловной и Наташей, я получал возможность общаться не только с Владимиром Ивановичем, а со всей семьей. Какая же это прекрасная семья!

Женщины Владимира Ивановича такие же, как и он - открытые, добрые, без малейшей хитринки, всегда рады встрече. Участки наши находились на одной улице и Кравцевы, следуя от станции к своему дому, проходили мимо нашего участка. Несмотря на то, что всю неделю они скучали по своему дачному участку, и душа стремилась быстрее его увидеть, они всегда останавливались, чтобы расспросить о самочувствии, о здоровье всего нашего семейства, о детях, делились своими новостями, приглашали на чаек.

Владимир Иванович всегда заботливо относился к своей супруге, мне иногда приходилось испытывать неловкость и смущение от того, что я не всегда так поступал по отношению к своей жене. Сколько нежных и добрых слов можно было услышать из его уст о дочери Наташе.

А уж когда у них родилась внучка Ксюша, то счастливее этой семьи в округе не было. При встречах с Владимиром Ивановичем только и слышалось: «Ксюша, Ксюша, Ксюша». Он о своей внучке мог говорить бесконечно. Не ошибусь, если сделаю вывод - семья Владимира Ивановича - это территория любви, взаимопонимания и глубочайшего уважения друг к другу. Эту атмосферу Кравцевы распространяли на каждого, с кем общались.

Не случайно на траурном обеде, организованном по случаю поминания Владимира Ивановича, я прочитал небольшое стихотворение поэтессы Нины Красновой.

Хочу завершить свое повествование именно этими строчками. Уверен, что Владимир Иванович Кравцев понимал счастье именно так и жил, стремясь быть счастливым именно таким образом:

**Мне не надо ни денег, ни клада,
Ни дворцов никаких, ни хором!
Да и славы тоже не надо
Оглушительной, словно
гром...**

**Мне бы верных друзей до гроба,
И дороги крутой излом,
Мне бы силу - бороться чтобы
С существующим в мире злом!**

**Мне бы много-премного неба,
Столько, чтоб в мечтах не унестись...
И любовь обязательно мне бы
Только лучшую, *что ни есть!***

**Заместитель руководителя
Главного следственного управления Следственного комитета РФ
Анатолий Васильев**

Содержание

1.	Вступительная статья А.И. Бастрыкина.....	3
2.	В.И. Кравцев О своей следственной и прокурорской работе в молодости	4
3.	Володя всегда со мной (Л. Кравцева).....	11
4.	Слово о шефе (Е. Аграрова).....	15
5.	Момент истины (Я. Пистер).....	16
6.	Командир, за которого никогда не было стыдно (В. Костарев).....	22
7.	Человек долга и чести (С. Герасимов).....	29
8.	Слово о старшем товарище (В. Данилов).....	38
9.	Первая встреча (В. Соловьев).....	39
10.	Его кредо законность и справедливость (Б. Наместников).....	40
11.	Человек чести (И. Костоев).....	43
12.	Есть на кого равняться (В. Серов).....	45
13.	Пересечение судеб. Ночная прогулка (В. Донцов).....	46
14.	Гвозди бы делать из этих людей (Ю. Леканов).....	50
15.	О старшем друге (А. Васильев).....	52

Следователь Кравцев
на месте происшествия

В. И. Кравцев в молодости

Родители В. И. Кравцева

А мы умеем улыбаться

В кругу друзей

В творческом кругу

Два председателя...

В Клубе ветеранов

С женой и внучкой

Среди ветеранов

У памятной доски погибшим следователям

Два заместителя Генерального прокурора СССР В.И. Кравцев и С.И. Герасимов

Выступление перед кадетами

Два уральца

На открытие Кадетского корпуса

И в президиуме он любил шутить

Заслуженная награда
от председателя СК РФ

На совещании по итогам работы за год

Выступает без бумажки, но от души

День победы в СК РФ

Владимир Иванович с ветеранами-активистами

В. И. Кравцев с одноклассниками

В. И. Кравцев с дочкой и внучкой

В. И. Кравцев с молодежью

В. И. Кравцев в кругу друзей